

ОЧЕРКЪ II.

Суше на берегахъ Аральскаго моря; ея особенности, флора и фауна. — Вода моря, характеръ и строеніе дна, растенія и животныя. —
Гуляевъ.

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ.

*Wenn hell steht eines' Gaud' vermessen,
Den schickt er in die weite Welt;
Das, will er seine Wunder wissen, —
Im Berg, im Wald, im Strom und Feld.*

Rückert.

ипь Аральскаго моря — пустыня: пустынная степь составляетъ его берега; пустынную, ровную степь представляетъ дно моря, и, наконецъ, обширную пустынею является, по характеру флоры и фауны, его водная масса.

Н. И. Казаковъ, — кругосвѣтный плаватель, большой, между прочимъ, на извѣстномъ всей читающей Россіи фрегатѣ «Палладъ», спутникомъ И. А. Гончарова, — командовалъ, во время моего плаванія по Аралу на «Баржѣ № 2-й», пароходомъ «Самаркандъ». Отвѣчая на мои разспросы о морѣ передъ выходомъ въ него, онъ предложилъ мнѣ, съ своей стороны, поиростъ:

что я буду ловить въ морѣ? — Все, что найдется, — отвѣчалъ я: рыбу, моллюсковъ и т. д. — «Моллюсковъ?... разсмѣялся г. Казаковъ, — ну, моллюсковъ-то въ немъ нѣтъ....» И «моллюсковъ» въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствительно, не оказалось: Н. И. Казаковъ вспомнилъ, говоря о моллюскахъ, живую, кишачную разными тварями, поверхность океана. Поверхность воды Арала, вообще, столь же мало оживлена вдали отъ прибрежныхъ оазисовъ, какъ поверхность воды въ стаканѣ. Черезъ борть судна видна вода, чистая и прозрачная до большой глубины (иногда дно видно вполнѣ отчетливо на глубинѣ 5 сажень), необыкновенно красиваго зелено-бирюзоваго цвѣта. Подъ микроскопомъ вода оказывается также — чистою водою. Въ открытомъ морѣ я видѣлъ рыбу около борта судна всего одинъ разъ. Не часто также видали ихъ съ судна и матросы при остановкахъ вблизи береговъ.

Эта водная пустыня обрамляется съ востока низменнымъ прибрежьемъ, сливающимся съ пустынею Кызылъ-Кумъ и песками Кара-Кумъ, которые подходятъ, у мюгиды Аял-Джудластъ, къ самому морю (у сѣверо-восточнаго угла его). Съ юга — то же низменное песчаное прибрежье, которымъ примыкаетъ къ морю покрытая тростниковыми лѣсами и плесами дельта Аму-Дарьи. Съ запада падъ моремъ высятся обрывы Усть-Урта, постепенно понижающіеся къ сѣверу,

хотя, однако, и северный берег моря образует возвышения и кручи над его поверхностью. Северный берег Араза, къ которому подходят пески Большие и Малые Барсуки, переходит, представляя извѣстный рядъ измѣненій, въ степи Уральской и Тургайской областей.

Аральское море очень обильно островами, массою которыхъ окаймленъ восточный и отчасти южный, — собственно, юго-восточный берегъ. Эти острова не велики, большую часть безъ названий, песчаны и едва возвышаются надъ поверхностью моря. Но кромѣ нихъ, есть еще острова континентальные, отдѣлившіеся отъ западнаго и сѣвернаго береговъ и расположенные около нихъ; этихъ острововъ немного. Изъ нихъ вблизи сѣверо-западнаго берега, сѣвернѣе другихъ большихъ острововъ, лежитъ высокий глинистый островъ Кутъ-Араль (съ лежащимъ къ сѣверу отъ него маленькимъ островомъ Быоргунды). На юго-западъ отъ него, вдали отъ

берега, лежитъ также высокий, глинистый островъ Барса-Каль-месь, а еще дальѣ къ юго-западу — возвышенный, известковый островъ Николай I, съ принадлежащими къ его группѣ (группа Царскихъ острововъ) низменными островами Константина и Наслѣдникъ. Дальѣ, — къ югу отъ группы Царскихъ острововъ находятся еще два маленькіе острова, также несомнѣнно континентальнаго происхожденія. Это — острова Белизгау-зена и Лазаревъ. Островъ Токмакъ-Ата, находящійся вблизи южнаго берега, принадлежитъ, повидимому, къ иному порядку острововъ, чѣмъ названные континентальные.

Типичный видъ берега моря.

- а) Прибойная и тростниковая полоса.
- б) Пески Бархандалъ, или дюны, полоса.
- в) Новѣйшій солончакъ.
- г) Осыпь.
- е) Обрывъ.
- ф) Высокая глинистая степь.
- з) Древняя бархандалъ полоса.

ж — коренная порода берега.

зена и Лазаревъ. Островъ Токмакъ-Ата, находящійся вблизи южнаго берега, принадлежитъ, повидимому, къ иному порядку острововъ, чѣмъ названные континентальные.

На томъ кольцѣ побережья, которымъ пустыня суши охватываетъ воду Араза, нужно различить три полосы, отличающіяся другъ отъ друга, какъ по своему происхожденію и почвамъ, такъ и по фаунѣ и флорѣ. Вотъ эти полосы, образующія террасы на берегахъ моря: а) *новѣйшая* (прибойная песчаная полоска и тростниковая полоса, которую мы подраздѣляемъ на оставшуюся и дѣйствующую); б) *послѣднетретичная* (новая, песчаная, барханная или дюнная, полоса и новѣйшій солончакъ); в) *третичная* (высокая степь, — глинистая степь и древние барханные пески, — и обрывы).

Новѣйшая терраса составляетъ то кольцо, которое непосредственно примыкаетъ къ водѣ. Мѣстами это — просто наклоненная къ морю полоска песковъ, на которыхъ разбиваются волны прибой, — песковъ совершенно однообразныхъ, состоящихъ изъ тонкихъ кварцовыхъ зеренъ, безъ галекъ. Мѣстами она прерывается горами камней, свалившихся съ обрывовъ и достигшихъ до прибой. Мѣстами же прибойная полоса порастаетъ тростникомъ (*Arundo phragmites*). Тростникъ растетъ на ней не вездѣ одинаково. Тамъ, гдѣ берегъ защищенъ отъ прибой, онъ образуетъ настоящую болотную поросль, но на прибой онъ отодвигается отъ воды, за предѣлъ раската волнъ. Это происходитъ, однако, вовсе не потому, что тростникъ не любитъ, чтобы волны лизали его подъ корень, а потому, что полоса песковъ прибой дабрывается самимъ прибоемъ, — если только величина нагона морскаго два благоприятствуетъ этому, — и тростниковая полоса отодвигается дальѣ и дальѣ отъ урѣза. На очень отлогомъ прибережьи, гдѣ энергичнѣе всего происходитъ отложение песковъ, валы вкатываются на берегъ съ большою силою на значительное разстояніе отъ урѣза спокойной воды, выламывая тростникъ, какъ онъ ни гибокъ и какъ прекрасно онъ противостоитъ волнениямъ въ другихъ случаяхъ, напримеръ, на сравнительно небольшихъ прѣсноводныхъ озерахъ.

Вот эту-то полосу тростника, отъясненную далеко от урфаза и получающего даже почвы мало воды для питания, — так как ему приходится расти на едва влажных, до значительной глубины, песках, — я и называю остающиеся тростниковою полосою. Если она будет отодвинута еще дальше от урфаза, — она должна исчезнуть. Действующая полоса тростниковъ есть та, которая находится вблизи урфаза или даже входитъ въ воду. Разница между этими полосами огромная, хотя есть, какъ само-собою понятно, безпрестанные и всевозможные переходы отъ одной къ другой. Тростники действующей полосы здоровы, высоки, толсты, образуютъ сплошные поросли, давая приютъ и убжище разнымъ животнымъ формамъ, — отъ комаровъ до тигровъ; тростникъ же оставшейся полосы иногда даже и нельзя признать, съ первого взгляда, и издали, за тростникъ: — стволки до фута длины, на разстоянии фута или двухъ одинъ отъ другаго, отбѣленные другъ отъ друга раскаленнымъ, сыдучимъ пескомъ, съ короткими междоузьями, съ небольшими сухими листьями.

Самаго большаго развитія тростникъ достигаетъ на юго-восточномъ берегу моря; самаго меньшаго — на сѣверо-западномъ. На это обстоятельство я теперь же прошу читателя обратить вниманіе, такъ какъ мы вездѣ будемъ указывать на противоположность въ особенностяхъ юго-восточнаго и сѣверо-западнаго береговъ, имѣющую весьма важное значеніе. На южномъ и восточномъ берегахъ тростникъ находится у устьевъ рѣкъ и разрастается на берегахъ рукавовъ и разливовъ, захватывая огромныя протяженія. Такъ, капитанъ-лейтенантъ П. П. Зубовъ, открывшій входъ въ Аму-Дарью, указываетъ, что площадь аму-дарынского разлива (не всего разлива, образуемаго рѣкою, а только между рукавами Улькунъ-Дарья и Талдыкомъ) равняется, приблизительно, 2,000 кв. верстъ, что, въ свою очередь, составляетъ 2,000 кв. верстъ тростниковыхъ порослей. Равнымъ образомъ, и Сыръ-Дарья сопровождается въ своихъ низовьяхъ обширными лѣсами тростника.

Само собою, разумеется, однако, что тростникъ, хотя онъ опредѣляетъ и характеризуетъ тростниковую полосу, не есть форма, свойственная исключительно этой полосѣ: онъ растетъ вездѣ, гдѣ есть вода, въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Въ тростниковой полосѣ онъ лишь достигаетъ огромнаго развитія, создавая особый типъ мѣстности.

Прибойно-тростниковая полоса — самая богатая жизнью полоса прибрежья; все, что нуждается въ водѣ и тѣнистой защитѣ отъ солнца, въ прикрытіи отъ глазъ прага или добычи, — все это группируется здѣсь.

На первомъ мѣстѣ, по многочисленности, стоятъ комары и близки къ нимъ двукрылыя, нѣсколько видовъ мошекъ и саранча. Нашъ общеизвестный комаръ-кусачка (*Culex*) встрѣчается собственно только на прѣсовой водѣ, но масса другой двукрылой мелкоты дѣлаетъ положительно необходимымъ употребленіе полога повсюду на морѣ, при ночлегахъ вблизи камышей, такъ какъ въ вечеру поднимаются чѣлная облака этого жидкаго сора, гудятъ и лѣзутъ въ ротъ и въ носъ. Иногда, запустивши руку въ складку въ углахъ тента, который ставился на югѣ судна, можно было забирать *Chironomus* вѣтми пальцами. Но въ море двукрылыя вылетаютъ, впрочемъ, только при штилѣ, а во время вѣтра держатся чашъ камышей. Въ экономіи Арала они имѣютъ большое значеніе: такія именно тучи насекомыхъ и вужны, чтобы прокормить рыбное населеніе моря.

Саранча въ морскихъ тростникахъ встрѣчается не часто и поодиночкѣ, и лишь въ Сыръ-Дарьѣ, по возвращеніи съ моря, я въ первый разъ наблюдалъ ее массами. Эти массы, однако, нисколько не похожи на тѣ тучи саранчи, которыя обрушиваются, какъ бѣдствие, на поля и покосы юга Россіи. Тамъ саранча перелетная и поэтому является табунами. Табуны саранчи возникаютъ тогда, когда, при подходящихъ условіяхъ времени года и погоды, «отродится» новое крылатое поколѣніе ея, которое составляетъ уже избытокъ относительно нормальнаго количества саранчи, могущаго прокормиться въ той мѣстности, гдѣ она родилась, и должно удалиться изъ нея, чтобы найти себѣ пищу. А потому, избытокъ этотъ и летитъ прочь. Кроми того при

подходящих условий времени года и погоды, «отрождение» саравчи, т. е. выход крылатого насекомого, совершается в несколько дней, и бесчисленное множество особей, давно уже подготовившихся к выходу, получает крылья разом, одна за другой, и поднимается тучами над землею; но так как именно эти тучи и составляют избыток, который должен улететь, то саравча и летит тучами. В родной же стороне и при обыкновенных условиях, т. е. не во время выхода крылатой формы, она встречается поодиночке, хотя во множестве. Дитя воздуха и света, она любит солнце; поэтому, в тихий день, в вечеру, она поднимается над камышами и плавно скользит в воздух, по прямой линии; пролетела одна, за ней сейчас же и в ту же сторону парит другая, третья и т. д., без конца. Вечерний лет саравчи, наблюдавшийся на Сырь-Дарьё, направлялся вверх по рывёк. Здесь летающая саравча очень

красива и приятно оживляет картину. При значительной величине и сильном, упорном полете, она производит впечатление очень маленькой птички. Лет и рывье ее над рывкою напоминают до некоторой степени такой же вечерний лет ласточек и стрижей, хотя те летают несравненно быстрее и притом не прямолинейно.

Тростниковая поросль и близость воды привлекают на прибойную полосу пеструю толпу водных и голенастых птиц Араля.

Вот пеликану не нужны камыши, но зато он здесь в полушаге от воды и то тут, то там на песке прибой, на отмели, снаружи тростников, вытянулись перенцы бабь (*Pelecanus*

Бабы на прибойной полосе.

stripus Bruch), одной из тех немногих птиц, которая настолько знакома с строевою службою, что, даже отдыхая, выстроится в шеренги. Тут же, беспорядочною толпою, облепи отмель чайки (*Larus ridibundus* L., *Larus cachinans* Pall.) и др. Здесь присосьдился, но на приличной, впрочем, дистанции от близоперого оброда, на краю отмели, орел (*Haliaeetus albicilla* Briss.). Эти представители фауны — сразу на виду, на выставке, а в глубин камышей гибдеются утки, цапли, выли, кулики и множество тех мелких певчих птичек, которых зовут обыкновенно славками, пичонками и т. д. Большинство жителей тростников и побережья — старые знакомые для каждого русского человека, как, напр., серая трясогузка (*Motacilla alba* L.). Но тон картин населеня дают уже другие птицы. Над камышами выются (иногда в таком изобилии, что невольно вспоминаешь о комарах) крошечная, стройная, с узкими, гибкими крыльями и раздвоенными хвостами, черная мартишка (*Hydrochelidon nigra* Briss.), к которой присоединяются и общеизвестная белая, черноголовая, крупная мартишка (*Sterna hirundo* L.) и еще более крупная, великан между глубинными мартишками, — *Sterna caspia* Pall. От поры до времени появляются над камышами и красавец среди пернатого населеня тростников — персидская шурка (*Megops persica* Pall.), птичка величиною со скворца, но более тонкая и стройная, с ярко бирюзово-зеленою грудью, желтым пятном над горлом, бурными крыльями, отливающая издали всеми цветами радуги. Иногда тяжелым полетом пронесется над рывкою белая, черно-ногая цапля (*Ardeotis alba* L.), усядется на опушке тростников или на отмели, и устанется в воду. Тут выступает оригинальный уродь-колиина (*Platalea leucorodia* L.), довольно крупная птица, немного меньше белой цапли, но ниже ее на ногах, белая, с желтоватым хохлом, черными ногами и длинными, черными же, щипцами вместо клюва: — клюв колиины очень сплюснут сверху книзу, так что состоит как будто бы из двух тонких дощечек и на конце расширяется в вид круглой лопатки.

Тамъ, въ мелкой лужѣ, бродитъ большой бѣлый куликъ съ черными пятнами, несообразно длинными красными ногами и клювомъ, ходульщикъ (*Hiribates himantopus* L.), — врагъ всякаго охотника и наблюдателя. Ему присуща такая горячая любовь къ своимъ дѣтямъ, что онъ въ это время весь — вниманіе и, завидѣвши какой-нибудь подозрительный предметъ, поднимаетъ самый неистовый крикъ, подхватываемый другими такими же близкими родственниками, — и все остальное птичье население тоже настораживается.

Здѣсь прилетѣла черная ворона (*Corvus corone* Lat.), очень похожая на обыкновенную, но совершенно черная, такъ что съ пераго взгляда ее можно принять за грача, — и ничто поживы.

Даже въ густой чащѣ тростника водятся, лазаятъ по стволамъ и перепархиваютъ маленькіе, красивые ремезы (*Salomophilus bicinctus* L.), строящіе, какъ и обыкновенный ремезъ (*Aegithalus pendulinus* L.), замысловатые и весьма удобныя гнѣзда, въ родѣ бутылкообразнаго мѣшка, искусно сотканнаго изъ мягкихъ растительныхъ волоконъ, съ горлышкомъ сбоку, подлиннаемья къ стволу тростника.

Издѣка проскользнетъ, ныряя надъ тростниками, камышевый лунь (*Circus rufus* Gm).

Тростниковая полоса растетъ и кормитъ также и кабана (*Sus scrofa aser* L.), — «чушкѣ» Киргизовъ. Кабановъ много по камышамъ Сыра и Аму, но въ особенности много ихъ въ поросляхъ аму-дарьинской дельты. Здѣсь они находятъ самыя роскошныя условия для своего существованія: обиліе пищи, сырая, удобная для отысканія ея почва, масса болотныхъ, любимыхъ кабаномъ, и т. д., — все это дается здѣсь — чуть не сплошь на тысячахъ квадратныхъ верстахъ протяженія!

Кабанъ.

Богатство тростниковой полосы животными привлекаетъ къ ней и хищниковъ. Одни изъ нихъ приходятъ сюда за добычею, а для другихъ она является нормальнымъ мѣстомъ обитанія. Волкъ здѣсь — постоянный гость: рядъ слѣдовъ на нескѣхъ приборахъ, снаружи тростниковъ, составляетъ обыкновенный элементъ картины береговой полосы Арала. Корсакъ (*Canis corsac* L.) также встречается. Въ аму-дарьинской дельтѣ, которая, какъ сказано выше, вся принадлежитъ къ тростниковой полосѣ, является уже чисто-южная форма этой группы шакала (*Canis aureus* L.). Наконецъ, здѣсь же живутъ и множатся барсъ и бенгальскій тигръ (*Felis tigris* L. var. *bengalica*), «джугъ (дорога)-барсъ (большая и дикая конка вообще)». Низины Сыръ-Дарья и дельта Аму-Дарья представляютъ большія удобства для жизни тигра. На Сыръ-Дарьѣ особенно славно, имѣя тигровое гнѣздо, пользуется мѣстность между фортомъ № 2 (Май-либашъ) и Перовскимъ, гдѣ Сыръ-Дарья распадается на два рукава: Джананъ-Дарью и Кара-Узьякъ, снова сливающаяся потомъ другъ съ другомъ. Изъ нихъ Кара-Узьякъ течетъ по очень низкой мѣстности, образуя обширныя, поросшія тростниками раздѣлы, которые собственно и составляютъ притонъ для тигровъ. Несправедливо было бы, однако, думать, что страна изобилуетъ тиграми, подобно Индіи; тѣмъ не менѣе тигры, составляють здѣсь значительныя общины, и любители сильнѣе ощущеній охотятся на нихъ. Одни изъ туркестанскихъ офицеровъ, г. Гамовъ, приобрѣлъ даже себѣ въ край репутацію неутомимаго и счастливаго прага тигровъ. Вотъ что, напримеръ, передаютъ объ его первомъ дебютѣ охоты на тигра.

Г. Гамовъ всегда былъ страстнымъ охотникомъ. Пріѣхавши на службу въ Туркестанъ, онъ обрадовался случайно поохотиться на крупнаго звѣря. Взавши на помощь себѣ нѣсколькихъ охотниковъ изъ солдатъ, онъ отправился на тигра. Дѣло было на Сыръ-Дарьѣ. Верхомъ на лошади, онъ забѣжалъ въ тростники одинъ, оставивши солдатъ на опушкѣ.

Г. Гамовъ всегда былъ страстнымъ охотникомъ. Пріѣхавши на службу въ Туркестанъ, онъ обрадовался случайно поохотиться на крупнаго звѣря. Взавши на помощь себѣ нѣсколькихъ охотниковъ изъ солдатъ, онъ отправился на тигра. Дѣло было на Сыръ-Дарьѣ. Верхомъ на лошади, онъ забѣжалъ въ тростники одинъ, оставивши солдатъ на опушкѣ.

Г. Гамовъ всегда былъ страстнымъ охотникомъ. Пріѣхавши на службу въ Туркестанъ, онъ обрадовался случайно поохотиться на крупнаго звѣря. Взавши на помощь себѣ нѣсколькихъ охотниковъ изъ солдатъ, онъ отправился на тигра. Дѣло было на Сыръ-Дарьѣ. Верхомъ на лошади, онъ забѣжалъ въ тростники одинъ, оставивши солдатъ на опушкѣ.

Произошло несколько времени. Он потихоньку пробирался камышами, — как вдруг лошади и наездник получили такой сильный удар сбоку, что повалились на землю: молодой тигрь, поднятый спутниками Гамова и бѣжавший отъ нихъ, натолкнулся на г. Гамова, связавъ его вмѣстѣ съ лошадью и убивъ ея. Гамова, оставивши лошадь, кинулся ѣдкою по слѣду и скоро наконецъ завѣрнул Гамова выстрѣливъ, но въ то же мгновение почувствовалъ, что на него напалась какая-то масса... Онъ вытаскивалъ, подъ этою массою, изъ-за пояса короткий ножъ, повернулъ его остриемъ впередъ... и лишился чувствъ... Выстрѣлы наступившая за нимъ тишина дали знать спутникамъ Гамова, что въ камышахъ что-то произошло. Бросились къ мѣсту, откуда раздались выстрѣлы, и нашли въ лужѣ крови безчувственного Гамова, а на немъ — мертваго тигра: — Гамова успѣлъ посадить ножъ въ грудь тигра и послѣднимъ отчаяннымъ движениемъ руки кину въ распоротъ ему брюхо, такъ что тигрь умеръ мгновенно. У Гамова же остались на память огромные шрамы на лицѣ и непримиримая вражда къ тигровой породѣ, представитель которой испортить ему прирожденный видъ. Теперь за Гамовымъ считается уже не мало побѣдъ надъ тиграми.

Изъ тростниковой полосы тигрь выбѣгаетъ на прилегающую степь, грабитъ стада Курязовъ и вообще ведетъ себя пренагло. Тѣмъ не менѣе, однако, тигры все-таки не настолько многочисленны, чтобы быть бичемъ страны.

Еще нужно упомянуть о тарантулѣ, который встрѣчается между тростниками на сухихъ мѣстахъ, гдѣ, напримѣръ, тростникъ примыкаетъ къ солончаку; но онъ не составляетъ уже типичной формы тростниковой полосы. Тарантулъ — огромный полосатый паукъ, красиво расписанный чернымъ и буро-желтоватымъ цвѣтами. Тарантулъ ядовитъ, и вообще укушеній его боится. Но здѣсь, не смотря на свое обилие, онъ не внушаетъ никому особаго страха. Однажды, во время ночлега на солончакѣ, близъ тростниковъ, моя постель была приготовлена прямо на землѣ; тарантулъ забрался ко мнѣ подъ одеяло и, вѣроятно, переночевалъ вмѣстѣ со мною: — утромъ, сбросивши одеяло, я нашелъ его притивившимъ подлѣ ноги. Когда я нарушалъ его колу, тарантулъ убѣжалъ.

Тростниковый барханъ.

а тростниковой полосой слѣдуетъ полоса дюнная или барханная (*барханъ* — песчаный холмъ), т. е. полоса подвижныхъ песковъ.

Куда бы здѣсь ни упалъ глазъ — всюду довольно большіе (въ нѣсколько аршинъ высоты) песчаные холмы или барханы изъ красновато-сѣраго, мельчайшаго кварцеваго песку. Пески бархановъ — отложения моря. Они были перемыты водою, отложились на побережьѣ и, съ отступленіемъ урѣза моря, отстали отъ него болѣе или менѣе далеко на сушѣ. Вѣтеръ, легко передвигая эти мелкія, какъ пыль, песчинки, свернулъ сухіе пески въ сугробы, постоянно измѣняющіе свою форму и наклонъ, смотря по тому, откуда и съ какой силой дуетъ вѣтеръ. Постоянно всхолмленное песчаное поле — вотъ основной типъ барханной или дюнной полосы. Среди песковъ барханной полосы, если она достаточно широка, навѣрное можно встрѣтить, тамъ и сямъ, ровныя глини-

стыя плато, которыя окружены буграми песковъ. Почва ихъ состоитъ изъ тончайшей глинны табачнаго цвѣта (зеленовато-сѣраго), съ примѣсно также очень тонкаго песку, такъ что почва не вязка. Сырал солончаковая почва вѣдетъ совершенно гладкую, а очень сырал — даже блестящую поверхность; но едва солнце высушитъ ее, она растрескивается сначала на отдѣльные участки, въ свою очередь, раздѣляющіеся, тоже растрескиваясь, на болѣе мелкія частицы, пока высушенные части плато не превратятся въ разсыпчатую массу, въ которой влезетъ нога. Мѣстами эта почва бываетъ подернута коркою изъ кристалловъ глауберовой и поваренной соли. Иногда, въ болѣе углубленныхъ мѣстахъ такое плато, остаются еще или сырые участки, или даже и вода, то свободная мѣстами, то покрытая, какъ льдомъ, гладкою соляною корою. Это — солончаки.

Вираціи — общая картина образованія почвъ барханной полосы слѣдующая: море, при слабыхъ наклонѣхъ дна, постоянно отлагаетъ песокъ на побережь уже подъ водою, образуя параллельный берегу песчаннаго мели или лесчаные валы, крутой бокъ которыхъ обращенъ къ берегу, а пологіи — въ сторону моря. Такие валы, мало-по-малу, вслѣдствіе постоянного набрасыванія на нихъ моремъ песку, выходятъ на поверхность моря, образуя наносные острова. При соединеніи, вслѣдствіе той же причины, одного конца острова съ берегомъ, проливъ, отдѣляющій его прежде, замыкается и превращается въ бухту, которая, въ свою очередь, при занесеніи входа въ нее пескомъ превращается въ прибрежное соляное озеро. Но пока совершается этотъ процессъ, море продолжаетъ набрасывать къ берегу новыя и новыя массы пескомъ, образуя новыя мели и острова, также постепенно соединяющіеся съ берегомъ, — вслѣдствіе чего образованнаеся раньше озеро болѣе и болѣе удалится отъ урѣза. Сообразно условіямъ жизни великой бухты и озера, заселяющихся растительностью и становящихся пунтами, куда сносятся съ ближайшихъ окрестностей, потоками атмосферной воды, масса землѣистыхъ частицъ, — въ нихъ начинается отложение на днѣ типичной для всякаго покойнаго бассейна почвы, — ила. Дальше, отодвинувшись на извѣстное разстояніе отъ моря и не получая болѣе изъ моря даже и той воды, которая проникла раньше сквозь песокъ, и не имѣя другихъ источниковъ для покрытія расхода воды на испареніе, кромѣ воды, падающей изъ атмосферы, озеро высыхаетъ, — оставляя обнаженнымъ свое вѣстное дно, пропитанное солью, — солончакъ.

Процессъ такого, — совершающагося постоянно и неизмѣнно, — образованія бухтъ и соляныхъ озеръ на замкнутыхъ соленоводныхъ бассейнахъ, шковы Араль и Каспій, играетъ огромнѣйшую роль въ дѣлѣ измѣненія состава воды этихъ бассейновъ, — въ дѣлѣ постепеннаго ихъ опресненія. Вода мелководной бухты и мелководнаго озера нагрѣвается сильнѣе и сильнѣе испаряется, чѣмъ вода въ соосѣднемъ морѣ, — вслѣдствіе чего изъ моря устанавливается постоянный токъ въ бухту или озеро, пока оно стоитъ въ связи, — открытой или черезъ тощю пескомъ, — съ моремъ. При узкомъ проходѣ и обширности поверхности озера (какъ напр. на заливѣ Кара-Бугазъ на Каспій) соль, безпрерывно-притекающая изъ моря съ водою, уже не возвращается болѣе въ него, а когда связь прекратится, остается въ озерѣ или отлагается имъ при испареніи на солончакѣ.

Эти днѣ почвы, — солончаки и барханые пески, — составляютъ собою типичные элементы послѣ-третичной террасы, указывая въ то же время на ея происхожденіе. Эта полоса, въ каждой своей точкѣ, была на прибоѣ моря. Пески ея отложились именно прибоємъ, а солончаки — остатки соляныхъ озеръ, оставленныхъ удалявшимся моремъ среди постепенно обнажившихся песковъ.

На солончакѣ не растетъ ничего: соляное озеро, двомъ котораго былъ онъ пѣнгогда, умерло, а съ водою исчезла и всякая жизнь, такъ что въ солончакѣ мы имѣемъ передъ собою своего рода — скелетъ мертвеца. Но издали — солончакъ можетъ иногда вѣсти въ обманъ и посудить воду и жизнь: водный міражъ на немъ — обыкновеннѣйшее явленіе.

Не много лучше и пески. Растительность на нихъ, во всякомъ случаѣ, есть; это прежде

всего: джюзгуны (*Calligonum*), колючка (*Albagi*) и гребенщикъ (*Tamarix*), растущій на болѣе сырыхъ участкахъ песковъ, напримеръ, около соляныхъ озеръ, прибрежныхъ дужъ и т. д.

Прежде всего, типичныя по преимуществу формы песковъ, какъ джюзгуны, не даютъ тѣни, даже при самой роскошной листвѣ. Легко судить по этому, какова должна быть физиономія мѣстности: — почва — сыпучій, подвижной песокъ, однообразный, свернутый въ холмы; на вершинахъ холмовъ — низменные кусты, зеленые издали, но не дающіе тѣни.

Общее явленіе для древесной и кустарной растительности этой страны заключается въ томъ, что, впадѣ отъ прѣсной воды, она отличается необыкновенно узкими листьями. Дѣло въ томъ, что растеніе постоянно испаряетъ листьями влагу и должно, конечно, получать, замѣнивъ испареннаго количества, не меньшее количество ея изъ почвы. При этомъ листъ испаряетъ тѣмъ болѣе воды, чѣмъ сильнѣе нагревается солнцемъ. Въ этомъ испареніи, отчасти, секретъ противодействія его жару солнца, — и разъ онъ не будетъ въ состояніи испарять столько, чтобы на образованіе паровъ уходилъ весь избытокъ получаемой имъ теплоты, — листъ нагреется до температуры, при которой онъ не можетъ жить, завянуть и высохнуть. При странномъ лѣтнемъ жарѣ, на сухихъ, почти безводныхъ почвахъ степи, каждое растеніе съ широкими листьями должно быстро и неминуемо погибнуть. Во-первыхъ, листъ нагревается очень сильно и быстро; во-вторыхъ, онъ нагревается на большой поверхности и, стало быть, долженъ испарять значительное количество влаги. Испареніе изъ листьевъ идетъ такъ быстро, что влага, необходимая для замѣны испаренной воды, не успѣваетъ притекать, да сверхъ того, ее и взять не откуда — почва почти безводна. Очевидно, что въ подобныхъ условіяхъ могутъ жить лишь съотвѣтственно приспособленныя растительныя формы: — поверхность, съ которой растеніе испаряетъ влагу, должна быть настолько не велика, чтобы расходъ влаги уравнивался тѣмъ ничтожнымъ количествомъ ея, какое растеніе можетъ извлечь изъ почвы. Это уменьшеніе испаряющей поверхности достигается уменьшеніемъ поверхности листьевъ: — величина ея должна быть такова, чтобы количество испаряемой ими влаги и влаги, притекающей къ нимъ, находилось въ равновѣсіи. Поэтому и не даютъ тѣни здѣшнія растенія: — джюзгуны, представляющіе, не смотря на листву, своего рода живые в растущіе голки, саксаулъ (*Haloxylon ammodendron*), съ его тонкими, цилиндрическими листьями, сливающимися съ вѣтвями и составляющими какъ бы продолженіе вѣтви, и пр. Самую густую и ярко-зеленую, хотя съ голубоватымъ или сивелатымъ оттѣнкомъ, листвою отличается гребенщикъ (*Tamarix*). Но и его листья мелки, сухи, сидятъ, какъ чешуйки, близко другъ къ другу, очень напоминали общезвѣстный кипарисъ, встрѣчающійся у насъ часто въ горшкахъ, какъ комнатное растеніе.

Джюзгуны могутъ давать тѣнь, развѣ усѣянные своими оригинальными плодами. Плодъ джюзгуна состоитъ изъ центрального столбика, отъ котораго идутъ внаружи (звѣздообразно, въ поперечномъ сѣченіи) пластинчататыя лопасти, имѣющія форму полукруговъ, наружный край которыхъ причудливо вырѣзанъ и даетъ множество вѣтвящихся выростковъ, иногда спутывающихся другъ съ другомъ. Плодъ имѣетъ, поэтому, форму шарика, состоящаго изъ очень сухаго, рыхлаго материала. Но стоитъ смять такой шарикъ между пальцами, чтобы вырости на краяхъ пластинокъ обломались, осыпались, и между пальцами осталась основа, состоящая изъ столбика съ гранями, углы котораго выросли въ пластинчататыя лопасти. Джюзгуны въ плодахъ очень красивы, хотя эти плоды, по своей сухости, похожи на бумажные цвѣты.

Гребенщикъ, напротивъ, образуетъ густыя поросли и покрывается, во время цвѣтенія, массою цвѣтовъ, какъ сирень; но эти цвѣты другаго строенія, красиваго, малиноваго цвѣта, очень мелки, сухи и безъ запаха.

Бѣдна эта полоса и животными. Самыми типичными формами являются здѣсь нѣсколько гадовъ (не имѣющихъ, какъ понятно, русскихъ названій), съ очень своеобразными особенностями, тушканчики (*Dipus*) и кое-какія насекомыя.

На первомъ планѣ здѣсь нужно поставить весьма обыкновенную и распространенную яще-

риду, которая одна изъ первыхъ бросается въ глаза по обилію, довольно большому росту и способности перекрашиваться; это — агама (*Agama sanguinolenta* Pall.), — бурожелтоватая ящерица около четверти дліною, съ короткою и толстою головою, коренастая, съ длиннымъ, толстоватымъ при основаніи хвостомъ. Способность перекрашиваться напоминаетъ до извѣстной степени хамелеона, но процессъ перекрашиванія идетъ здѣсь очень медленно и притомъ въ одинъ цвѣтъ. Перекрашиваніе происходитъ на горлѣ и на груди, которыя въ обыкновенномъ состояніи нечистаго бѣлаго цвѣта. Иногда оно бываетъ слабое и не обширное, т. е., напр., синеватый оттѣнокъ появляется только на горлѣ, а иногда горло окрашивается въ интенсивный синий цвѣтъ, распространяющійся на грудь и даже на брюхо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ перекрашиваніе доходитъ до заднихъ ногъ.

Часто съ перекрашиваніемъ совпадаетъ ясное измѣненіе въ настроеніи духа ящерицы. Напр., послѣ возбужденія, въ которомъ она мечется при поимкѣ, животное впадаетъ въ апатичное состояніе, дѣлается вялымъ, мало подвижнымъ, и иногда остается лежать на рукѣ брюшкомъ вверхъ, какъ бы въ обморокѣ, — вполнѣ неприборно, потому что, если оставить ящерицу на свободѣ, она приходитъ въ себѣ очень медленно. Именно у такой, впавшей въ обморокѣ, агама я видѣлъ самое сильное, хотя не широко распространившееся перекрашиваніе. При слабомъ перекрашиваніи, такого утомленнаго состоянія я не наблюдалъ.

Нарѣдка попадаются агама также съ четырехугольными красноватыми пятнами на спинѣ, но, повидимому, эти пятна постоянны.

Вторая интересная форма песковокъ, встрѣчающаяся въ обиліи, — тоже ящерица и, въ общемъ, того же типа, какъ агама, т. е., короткоголовая, коренастая, съ толстымъ при основаніи хвостомъ, сложенная сверху внизъ, съ плоскою спинною, но почти вдвое меньше ея роста, — *Phrynoscephalus caudivolvulus* Pall.

У фриноцефаловъ, собственно, очень любопытенъ и забавенъ ихъ способъ закрываться въ песокъ. Замигнувъ какой-нибудь враждебный предметъ, ящерица плотно прилегаетъ къ песку и начинаетъ быстро и своеобразно дрожать на мѣстѣ, раздвинная при этомъ песокъ боками и надавливая на него брюхомъ. Черезъ нѣсколько мгновеній — на песокъ вмѣсто нея остается лишь продолговатое, едва замѣтное углубленіе: ящерица, такъ сказать, утонувъ вѣ песокъ и лежить на нѣкоторой глубинѣ подъ его поверхностью.

Да песокъ и дѣйствительно, если не жидкое, то полужидкое тѣло; такимъ считаютъ его механики, а вмѣстѣ съ ними и «сумъ-джилянъ» Киргизовъ, маленькій степной удавъ (*Erix jaculus* L.). Эриксъ ходитъ въ песокъ очень быстро и ловко; онъ врывается въ него, роется и прямо позаетъ въ его массу, извиваясь по-зминому, чѣмъ часто выдаетъ себя, такъ какъ онъ роется недалеко отъ поверхности песка, который и движется сообразно движеніямъ змѣи. «Куль-джилянъ» — настоящій удавъ; онъ точно такъ же ловитъ живую добычу, часто гораздо толще себя, напр., мышей, и точно такъ же глотаетъ ее цѣликомъ, медленно втягивая внутрь. По виду это — небольшая красноватобурная змѣя, около аршина дліною, съ очень мелкими гладкими чешуйками. Эриксъ совершенно не ядовитъ. Его очень легко сразу отличить отъ всякой другой змѣи этой мѣстности, по тупому, какъ бы обрубленному хвосту, толстоватому, округлому тѣлу, съ довольно глубокимъ пережимомъ около конца хвоста.

Кромѣ этой змѣи, барханы характеризуются еще прекрасною и также недопитою змѣйкою, живущею на поверхности, — *Tarhomotopon lineolatum* Brandt. Это необыкновенно

Агама при перекодъ черезъ барханы (песокъ, замороженъ).

стройная змѣя, нѣсколько длиннѣе зрѣкса и толщиною около мизинца, съ ясно отдѣленной красивою головкою и постепенно утончающимся острымъ хвостомъ. Сверху она буро-желтоватаго цвѣта, съ узкими, рѣзко отдѣляющимися, черными полосами. Рисунокъ, не смотря на простоту, такъ красивъ и яркъ, что Киргизы дѣлаютъ изъ ея шкурки оправу для рукоятокъ нагаекъ. Ходить тафрометопонъ чрезвычайно быстро, извиваясь изъ стороны въ сторону, крупами, очень чистыми и однообразными извивами.

Кромѣ нихъ, въ барханной полосѣ водятся еще одинъ гадъ — крупная черепаха (*Testudo Horsfieldii Gray*), съ невысокимъ черепомъ, сравнительно съ другими наземными черепахами, некрасиво окрашенная, но интересная тѣмъ, что она — единственный представитель наземныхъ черепахъ, имѣющій одинаковое число пальцевъ на заднихъ и переднихъ ногахъ, и, кромѣ того, тѣмъ, что живетъ въ западной песчаной Инди, ссылавая, стало быть, фауну береговъ Арала съ индическою.

Характерны также для песковъ тушканчики или земляные зайцы (*Dipus*). Эти небольшіе звѣры — забавныя созданія. Тушканчикъ держится обыкновенно вертикально, т. е., ходитъ на заднихъ ногахъ, которыя очень длинны; переднія же лапы коротки. Бѣгаетъ онъ очень быстро, огромными прыжками. Къ людямъ, обжившимъ около нихъ, тушканчикъ привыкаетъ до того, что не обращаетъ на нихъ большого вниманія и ходитъ по джозамейкамъ (войлочнымъ киргизскимъ коврикамъ, которыя употребляются здѣсь всѣми, кому приходится болѣе или менѣе долго прожить въ открытой степи). Тушканчики юрны, подлижны и, при маневрѣ держатся на заднихъ лапахъ, оригинальны и милосивды.

Пески не бѣдны насекомыми. Въ особенности бросаются въ глаза нѣсколько видовъ кузнечиковъ, и жуковъ, встрѣчающійся на караванныхъ путяхъ (*Scarabeus*). Караванный путь обыкновенно бываетъ усыянъ шариками верблюжьего помета, величиною въ небольшой картофель. Жуки, — червиль, толстѣй, съ короткимъ тѣломъ, крѣпкими ногами, — имѣютъ длину около дюйма. Ему нужны эти комья помета, чтобы положить въ нихъ яйца. Наложить же яицъ прямо въ шарикъ, лежащій на дорогѣ, жуку находить неудобнымъ: — шарикъ пузяно удалить съ дороги и затѣмъ спрятать въ песокъ. Жукъ упирается задними ногами въ песокъ, задними въ комокъ помета и начинаетъ катить шаръ, пятясь задомъ. И удивительно приспособился онъ къ этой работѣ! Ровно перебирая задними и передними ногами и прировняваясь къ неровностямъ поверхности шарика и почвы, онъ катитъ комъ ровно и довольно быстро, хорошо сохраняя направление и обнаруживая въ себѣ опытнаго и выдержаннаго работника.

Вотъ, — не говоря о немногихъ птицахъ (жаворонки, камешки), — наиболее типичныя формы барханной полосы. Замѣчательно, что большая часть ихъ окрашена въ желтоватобурый цвѣтъ, съ различными оттѣнками и измѣненіями, — подъ цвѣтъ песка.

Барханная полоса — полоса наибольшаго жара лѣтомъ. Съ самаго утра, при обыкновенной безоблачности здѣшняго неба, солнце начинаетъ сильно нагревать ее, и около полудня и пески, и солончаки, — въ особенности послѣдніе, — пышутъ жаромъ. Тепло сохраняется надолго еще и вечеромъ, и ночью, — и послѣ короткаго промежутка свѣжести, передъ восходомъ солнца, снова начинается накаивающее песковъ и солончака. Потому, вѣроятно, и ютятся здѣсь жители жаркой Африки и Инди.

По своему протяженію въ ширину, барханная полоса слѣдуетъ на берегахъ моря прибойнотростниковой. Она шире на восточномъ и южныхъ берегахъ и уже на сѣверномъ и западномъ. Въ устьяхъ рѣкъ, барханная полоса вѣтвится тростниковой. Ширина барханной полосы на западномъ и сѣверномъ берегахъ мѣрятся десятками и сотнями сажень и лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ 1 и 2 версты.

Бархано-дюнная полоса вообще лежитъ не высоко надъ уровнемъ моря. Начало ея можно считать отъ 2—3 футовъ надъ линіею урѣза. Что же касается высоты бархановъ, то она находится въ связи съ протяженіемъ бархано-дюнныхъ песковъ. Гдѣ неси широко, тамъ барханы

имѣють значительную высоту: при узкой же полоскѣ песокъ барханы не образуются, если не считать за нихъ невысокія, до 1 — 2 футовъ, кучи песку. Пройди барханно-дюнную полосу, мы выходимъ, черезъ обрывъ или откосъ, на высокую степь, — на почву, составляющую основу равнины, въ которой вырыта котловина ложа Аральскаго моря. Вглянемся, по порядку, сначала на обрывы, а потомъ уже перейдемъ и къ степи.

Вотъ уперлась прямо въ узкую дюнную полосу стѣна (въ нѣсколько согъ футовъ вышины) обрыва Усть-Урта у родника Анты-Кенды. Подножіе устѣно огромными глыбами камней, свалившихся сверху. Отдѣльные крупные камни долетѣли до самаго урѣза. Пяту его составляютъ частью известняки, болѣе или менѣе потрѣскавшіеся, разрыхленные, мѣстами обвалившіеся; но чаще у пяты находится глинистая осѣпь, образующая уступъ, который, соединяясь съ обрывомъ,

Видъ Аральскаго моря — сверху холмистой берега около родника Анты-Кенды.

прикрываетъ его подножіе. Этотъ уступъ покрытъ рядомъ неглубокихъ, разнообразной формы, рытвинъ, образованныхъ атмосферною водою. Вообще же, поверхность его совершенно гладка. Поднимаясь выше, приходится столкнуться съ новымъ уступомъ, за нимъ — со вторымъ, третьимъ и т. д. Чѣмъ выше по обрыву, тѣмъ менѣе гладкою становится поверхность уступовъ, — на ней попадаются глыбы глины, отвалившейся сверху и еще не разсыпанной подъ вліаніемъ атмосферной воды и переимѣнъ температуры, — тѣмъ выше становятся самые уступы, образуя огромные гребни, которые тянутся параллельно главному направленію обрыва. Долины между отдѣльными гребнями уступовъ связываются другъ съ другомъ подомоннами и рытвинами, по которымъ потоки дождевой и снѣговой воды стремятся къ морю. Лѣтомъ, когда воды почти не выпадаетъ, эти рытвины обыкновенно высыхаютъ, но почва къ нимъ постоянно сыра; поэтому, густая поросль тростника лѣнится, слѣдуя имъ, по обрыву, отъ подошвы до вершины, разрастаясь въ видѣ обширныхъ чащъ тамъ, гдѣ долины, между гребнями уступовъ, представляютъ удобныя условія для образования луговъ. На самомъ верху, стѣна послѣдняго уступа состоитъ изъ известняка, плиты котораго выставляются изъ стѣны самымъ разнообразнымъ образомъ, давая крайне пестрый рисунокъ въ очертаніяхъ. Нужно замѣтить, что и липы

обрыва вообще крайне разнообразна, и что, поэтому, на каждом шагу можно натолкнуться на совершенно неожиданный картины. Между стѣною и послѣднимъ гребнемъ уступа тянется, въ известнѣхъ мѣстахъ берега, узкая долина, и эти долины — одни изъ самыхъ живописныхъ уголковъ на берегахъ Аральскаго моря. Тутъ обыкновенно много, сравнительно, воды, такъ какъ известковая стѣна долины представляетъ обнаженне водосодержащаго пласта Усть-Урта, изъ котораго и сочатся въ нее родники. Общій типъ родника здѣсь таковъ: изъ небольшой, обмытой ямки течетъ струйка воды, которая, пройдя нѣсколько шаговъ, распространяется въ почву и поглощается тростниковою грядою, или болотомъ, смотря по величинѣ струи. Благодаря присутствію воды, здѣсь является болѣе сильная растительность. Неправильно пере- рѣзанная рытвинами и раздѣленная на отдѣльные холмы гряда самого верхняго уступа, съ

Камень Токмак-Кызъ.

одной стороны, а съ другой — каменная стѣна, придаютъ долинкѣ видъ горнаго ущелья, но только въ миниатурѣ, такъ какъ ложныя горы очень невысоки.

Перебравшись по какой-нибудь лощинкѣ черезъ известковую стѣну, мы — на высокой стени. Но это одинъ, и самый позный, случай обрыва. Вотъ другой, — на островѣ Барса-Кильмесь. Здѣсь известняковъ, а поэтому, и камней вѣтъ вовсе; весь обрывъ, состоящій изъ уступовъ и

долиннокъ между ихъ гребнями, — глинистый. На верхнемъ краю его глины немного выданы и написаны карнизомъ надъ кручею. Карнизъ, на всемъ протяженіи, заобрубивъ мелкими водомоинами, которыя тянутся по обрыву, въ верхней части его, спускался почти отвѣсно къ морю. Очевидно, здѣсь дѣло стоитъ значительно проще. Еще проще третій случай обрыва на мысѣ Изенде-Араль, юго-восточной оконечности полуострова Куланды, вдающагося въ море съ сѣверо-запада. Тутъ надъ моремъ просто висятъ подмытые пласты известняка, съ одной стороны, а съ другой — гладкій глинистый, очень крутой склонъ, упирающійся въ узкую пробойную полосу. Мысъ Изенде-Араль окруженъ водою почти со всѣхъ сторонъ, исключая полосу въ нѣсколько десятковъ сажень шириною, которую онъ еще соединяется съ берегомъ, и которая, по всей вѣроятности, будетъ позднѣе размыва, и мысъ превратится тогда въ маленькій островокъ; а когда потоки атмосферной воды снесутъ съ темени его всю глину и совершенно обнажатъ известняки, то — въ скалу, подобную камню Токмак-Кызъ, находящемуся въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Изенде-Арала. Обрывы на Токмак-Кызъ еще проще: это — подмытая съ одной стороны и выдающаяся частью верхняго края надъ моремъ скала, футовъ около 45 вышиною; съ другой стороны, она такимъ же обрывомъ, но не подмытымъ внизу, примыкаетъ къ невысокой розсыпи изъ крупныхъ известковыхъ камней. Розсыпь тянется грядою сажень около 150 длиною, но направленно къ берегу, постепенно понижалась и указывая, съ которой стороны Токмак-Кызъ былъ соединенъ съ материкомъ. Поверхность обрывовъ часто покрыта, какъ сказано, водомоинами, и на это ничтожное, по видимому, явленіе я обращаю особенное вниманіе читателя. Такая небольшая борозда на поверхности обрыва, проведенная потокомъ дождевой воды, есть зародышъ весьма крупныхъ явленій. Разъ водомоина образовалась, — она стала русломъ для стока всей атмосферной воды съ известнаго участка поверхности суши, склоняющагося къ ея ложу, до подораздѣла съ другими, соседними водомоинами. Годъ отъ

году атмосферная вода углубляет водомошну, бока ея осыпаются, осыпавшіяся на дно частицы земли уносятся новыми и новыми потоками воды, — и водомошна растетъ. Она дѣлается глубже, шире и поглощаетъ въ себя не успѣвшія еще развиться на столько же соседнія водомошны. Вместе съ расширеніемъ и углубленіемъ, она удлиняется, ползетъ своимъ верхомъ дальше и дальше въглубь материка, и — водомошна становится оврагомъ. На краяхъ береговъ оврага образуются новыя водомошны, также растущія и также превращающіяся постепенно въ овраги, — побочные. Получается нѣкоторое подобіе рѣки, повременамъ текущей, временно получающей воду изъ атмосферы и собирающей въ себя эту воду съ известнаго участка поверхности суши. Оврагъ можетъ удлиняться почти до самыхъ высокихъ точекъ данной мѣстности, но углубляться ниже поверхности того бассейна или струи воды, куда онъ впадаетъ, — не можетъ. Поэтому, достигнувши известной глубины, оврагъ перестаетъ увеличиваться въ этомъ направленіи; зато русло его, вслѣдствіе осыпанія береговъ, становится шире и шире, а самые берега положе и положе, — и около оврага начинаетъ образоваться логъ. Съ побочными оврагами происходятъ то же самое, и они постепенно превращаются также въ логи, соединяющіеся съ логомъ, образовавшимся около перваго оврага. Является, стало быть, система логовъ, по дну которыхъ вытекаютъ овраги, отрывающіеся, въ концѣ концовъ, въ главный оврагъ. Но и бока самого лога, наконецъ, продолжаютъ смываться, становятся болѣе и болѣе отлогими, — логъ расширяется настолько, что глубина его дѣлается ничтожною, сравнительно съ шириною; даже то, что на землѣ существуетъ углубленіе въ этомъ мѣстѣ, дѣлается иногда замѣтнымъ лишь издали: — является лощина.

Однако, въ то время, когда водомошна и оврагъ все ползти да ползти въглубь материка, осыпаніе ихъ береговъ при устьѣ шло своимъ порядкомъ, такъ что устья именно и прошло прежде всего стадіи устья водомошны, устья оврага и устья лога, — и могутъ быть случаи, когда при устьѣ на мѣстѣ бывшаго оврага уже образовалась лощина, тогда какъ вблизи верхняго еще и не начиналось, въ вѣной формѣ, образование лога.

Но, вѣдь, оврагъ на обрывѣ въ окончателной стадіи развитія прорѣзываетъ обрывъ сверху донизу: въ этомъ мѣстѣ дѣтъ обрыва. Когда изъ оврага произошелъ логъ, то обрывъ исчезъ на берегу, либо понизился уже на большомъ разстояніи въ стороны отъ бывшаго устья оврага. При лощинѣ это разстояніе сдѣлалось еще болѣе значительнымъ. Поэтому, если мы встречаемъ гдѣ-нибудь на равнинѣ лощину, по наиболее глубокому мѣсту которой вытекаетъ оврагъ, мы смѣло можемъ говорить, что отсюда увнесена атмосферною водою масса почвы, что суша была здѣсь нѣкогда выше. Иногда мы можемъ заключать даже, что масса этой почвы находилась нѣкогда на высотѣ наивысшихъ точекъ, которыя мы находимъ въ окрестностяхъ.

На берегахъ Арала, въ области обрывистыхъ береговъ, мы не встречаемъ иногда, какъ сказано, — именно поэтому обрыва, а пологія откосы, упирающіяся въ барханно-дюнную полосу. Это бываетъ именно въ лощинахъ. Разсматривая положеніе этой лощины, въ широмъ случаѣ нѣющей нѣсколько перетъ въ ширину и едва замѣтной относительно обрыва, мы убѣдимся, что здѣсь былъ нѣкогда и обрывъ, столь же высокій, какъ вправо и влѣво отъ лощины, но теперь онъ совершенно смытъ атмосферною водою, и вся почва, выходящая лощину, снесена въ море. Обрывы въ глубинѣ лощины, куда впадаютъ другіе овраги, прісутствіе невысокаго, крутаго откоса отъ лощины къ барханно-дюнной полосѣ, не встрѣчающагося лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, — откоса, линия направленія котораго представляетъ продолженіе линіи направленія обрыва, — дѣлаютъ это несомнѣннымъ.

Поэтому правильно будетъ сказать, что за барханно-дюною полосою слѣдуетъ обрывъ, ведущій на высокую степь, мѣстами смытый и перерываемый устьями промывъ, овраговъ и лощинами. Сообразно тому, что барханно-дюнная полоса болѣе узка на сѣверо-западномъ берегу Арала, здѣсь ближе всего подходятъ къ берегу и обрывы: — сѣверный и западный берега Арала обрывисты.

Вообще обрывы Арала почти совершенно лишены растительности. Лишь следуя направлению родников и сырых водомоинь, по ним тянутся зеленые полосы тростника, даже случайно с единичными кустами гаяльника, иногда тополя (*Populus diversifolia*), да торчат разбросанные кусты саксаула, сплутнившегося сверху. — с высокой степи. Иногда, впрочем, на небольших участках, кусты образуют довольно частую поросль, но, в общем, обрыв представляется голиком, с неправильным рельефом, поверхность лишь изредка, кое-где виднётся на нем то одиночные кустики, то небольшие группы их.

Къ числу отдельных интересных пунктов в области известковых обрывов принадлежат два весьма любопытных места на Аральском морѣ: уже упомянутые выше мысы Изенде-Араль и скала Токпакъ-Кызъ. Изенде-Араль имѣет весьма красивый обрывъ съ южной и восточной сторонъ. На сѣверной сторонѣ обрывъ замаскированъ глинистою осыпью, образующею весьма ровную и однообразную кручу. На западной сторонѣ глинистая осыпь внизу прерывается глыбами камней обнаженных самых нижнихъ пластовъ известняковъ, образующихъ мысъ. Эти камни тянутся по всему узкому перешейку, соединяющему Изенде-Араль съ Куланды. Между ними находятся куски весьма плотнаго мелкозернистаго песчаника, — которые наши матросы нашли очень пригодными на бруски для топчѣл полей, а также куски каменнаго угля, залегающаго неизвестно гдѣ, — по всей вѣроятности, подъ водою, откуда они и извлекаются отъ поры до времени на поверхность.

Обнаженная восточная и южная стороны мыса очень сильно подмыты, такъ что верхнія части скалы выдаются надъ подошвою, которую непосредственно омываетъ море. Приблизная полоса такъ узка, что, мѣстами, по ней нельзя пройти и нужно идти по водѣ. Поверхность всей скалы представляетъ систему отвѣсныхъ выступовъ и углублений самой разнообразной формы: море являлось въ узкія трещины скалы, въ водомоины на ней, и развѣдало ихъ въ широкія яры входѣ, служащими къ концу, глубокиѣ, вертикальныѣ расщелины, отдѣленныя другъ отъ друга, какъ толстыми перегородками, выступающія известняковъ, нависающими надъ моремъ. Иныя изъ расщелинъ, — которыя всѣ вообще имѣютъ стремленіе распространяться вверхъ и въ глубину скалы, — кося пробиваясь до самаго темени скалы, сквозь глины, такъ что, взглянувши въ глубину такой расщелины, можно видѣть клочекъ синяго неба въ рамкѣ изъ осѣченныхъ содичемъ бурыхъ глинъ.

На Изенде-Аралѣ мы встрѣтили пераго и единственнаго на морѣ ястреба — маленькаго *Falco senechris* (?), по всей вѣроятности, гнѣздящагося здѣсь. Кроме того, тутъ же, у подошвы скалы, одинъ изъ матросовъ замѣтилъ глубокою, черною пустоту, настоящую нору, къ которой она казалась утца (*Vulpanser Tadorna L.*).

Кругомъ Изенде-Арала множество подводныхъ камней; съ южной стороны вѣсколько глыбъ выдается надъ поверхностью моря, служа мѣстомъ пристанища для баклановъ и чаекъ: — еще издали онѣ чернѣютъ и бѣлѣютъ отъ набившихъ птицъ. Но едва ли гдѣ-нибудь на Аралѣ собирается такая масса птицы, какъ на камнѣ Токпакъ-Кызъ.

Мы подходили къ камню съ сѣвера, отъ мыса Кауфмана, и еще миль за 10 онъ вырисовывался въ видѣ сѣраго пятна на желтобуромъ фонѣ глинистыхъ береговъ. Масса темныхъ точекъ, то поднимающихся надъ нимъ и двигающихся въ различныхъ направленияхъ, то снова исчезающихъ на совершенно черномъ темени скалы, была видна издали. Съ приближеніемъ къ камню черное пятно начало разрѣшаться въ массу черныхъ точекъ, а двигающихся надъ нимъ точки — превращаться въ черныхъ баклановъ и бѣлыхъ чаекъ. Я зналъ, что камень служить притокомъ для массы птицы, а стало быть, зналъ объ этомъ и мои спутники, которымъ я не разъ судилъ удовольствіе на Токпакъ-Кызѣ ихъ охотничьихъ порывовъ. Мы ждали поэтому камня съ большимъ интересомъ и нетерпѣніемъ. Вся команда выбралась на палубу и сгрудилась на носу, устремивъ глаза на скалу. Разстояніе постепенно уменьшалось. Мы увидѣли, наконецъ, совершенно ясно, что всю верхнюю площадку камня, плечомъ къ плечу, бокомъ къ боку,

объели больша, величюно съ ворона, черныя птицы съ длинными, вытянутыми, какъ палки, шеями, маленькими головами, довольно длинными носами, выпяченными грудями, плоскими брюхами, коротконогия, но съ огромными лапами. Птицы, очевидно, сидю возбуждени: онѣ вытянулись во весь ростъ и съ тревожнымъ вниманіемъ смотрятъ на насъ. Время отъ времени съ вершины камня сорвется наиболѣе любопытная и нетерпѣливая птица, сильнымъ, отчасти порывымъ, отчасти утинымъ, полетомъ пролетитъ мимо судна, умчится далше и пронадетъ вдали надъ моремъ, или, сдѣлавши большой кругъ, сунется снова на камень. Нѣсколько чаетъ также спують и надъ судномъ, и около камня.

Мы подвигаемся еще ближе. Съ камня чаще и чаще срываются и носятся надъ судномъ бакланы. Ружья давно заряжены, но расстояние все еще велико, такъ какъ судно не можетъ идти близко къ камню: — опасно.

Попробуемъ стрѣлять пулями...

Между нами и камнемъ всего уже около 60 сажень... Можно стрѣлять... Состояніе духа на суднѣ напряженное. Охотники изъ команды, кажется, готовы были бы пшкомъ броситься по водѣ къ камню. Оружіе наготовѣ... Наконецъ, разрѣшено стрѣлять... Двѣ пули и гдѣто ружейной картечи понеслись на Токпакъ. Шелохнулось птичье населеніе: десятки два баклановъ поднялись съ камня въ разные стороны, безпорядочно, какъ бы въ недоумѣніи, зачѣмъ это имъ слѣдуетъ летѣть, и половина ихъ тотчасъ же сѣла обратно; другіе закружились надъ камнемъ; часть полетѣла прочь. Отъ низменной гряды камней отдѣлилось бѣлое пятно: — табуны незамѣченныхъ раньше бабъ (*Pelecanus crispus* Bruch)... Охотничьи инстинкты разгораются еще сильнее. — «Не стрѣлять! Не стрѣлять! Разгонимъ бабъ!..»

Паруса берутся на гитовы. Быстро спустился на воду шлюбка, и мы, охотники, спустились на Токпакъ. Шлюбка скоро прошла небольшое расстояние, отдѣлявшее судно отъ камня. Глубина посѣтъѣла; на днѣ замелькали большія, неясныя пятна... Еще нѣсколько ударовъ весель, — пятна получаютъ контуры, обращаясь въ огромные подводные камни. Вотъ болѣе высокая волна на послѣднихъ камняхъ. Шлюбка качнулась разъ, два и стала на плоскомъ камнѣ, едва прикрытомъ водою...

Между птицами полный переполохъ. Съ другой стороны камня поднялся и могучимъ, плавнымъ полетомъ, съ рѣдкими, тяжелыми взмахами крыльевъ, потянулся табувъ бабъ. Насъ обуяла охотничій азартъ, въ особености разгорячились матросы. Убрали шлюбку, и всѣ кучей спустились подѣ обрыва камня, согнувшись и высматривая впереди... Подошли къ градѣ, поднялись на нее до половины: — черезъ граду видно море, виденъ другой берегъ... У самой воды вѣлая вереница массивныхъ, огромныхъ, коротконогихъ, бѣлыхъ птицъ — бабъ, съ широкими, длинными клювами, опущенными книзу, съ большими желтыми шпками подъ клювами. Одна замѣтила наши головы, высталившія изъ-за грады, сунулась впередъ и всплыла на водѣ. За нею другая, третья... Ба—бацъ! Бацъ!.. Нѣсколько бабъ свернулись на вѣстѣ... Но точно отвалился край известнаго берега Токпака и всплылъ на водѣ: — до десятка табуновъ бабъ бросились въ воду и поили отъ берега. Сотни крыльевъ взмахнули въ различныхъ вѣстахъ камня, огласнишася птичьимъ крикомъ; зашлепали, падалъ въ воду съ вершины, камня болде взрослые бакланята... Нѣсколько бѣло-сѣрыхъ плавучихъ островковъ чаетъ отдѣлились отъ Токпака и пошло въ море. Здѣсь бакланъ, тамъ чайка, — все птица неиргодная, и охотничій жаръ черезъ нѣсколько минутъ стихнулъ. Первые выстрѣлы на камнѣ были и послѣдними, — скоро мы ходили по Токпаку уже безъ малѣйшаго желанія поднять ружье для выстрѣла. Суматоха на камнѣ, однако, продолжается, не смотря на то, что мы не стрѣляемъ. Бабы, сгруппировавшіяся въ нѣсколько табуновъ, все болѣе и далѣе удаляются отъ берега, образуя необыкновенно красивыя бѣлыя пятна на темной синевѣ покойнаго, испривагагося и едва колышущагося моря. Но у нихъ тамъ, вдали, творится что-то невѣдомое... Вонъ какой каскадъ водяныхъ брызгъ поднялся около одной!.. Она мечется, хлопаегъ крыльями объ воду

и понемногу исчезает под ея поверхностью... А тамъ тоже дѣлаетъ другая, третья... Табуны разбиваются, птицы бросаются изъ стороны въ сторону, порывисто выходя по поверхности воды и взмахивая недорослыми крыльями...

— Сомы! Сомы! Сюда идуть! — крикнулъ кто-то съ камня.

Шлепанье падающихъ бакланятъ привлекло рыбу, почувдавшую добычу, но сомы встрѣтили ранние баклановъ молодыхъ бабъ, зашедшихъ дальше въ море, и начали охоту съ нихъ... Намъ нужно было, между тѣмъ, смѣрять высоту камня, и матросы вѣзали наверхъ. Сидѣвшие пока еще спокойно наверху, остальные, болѣе молодые, бакланята не могли вывести появленія ихъ въ своей средѣ. Едва матросы показались кучею (одинъ, два матроса вѣзали еще прежде) на площадкѣ вверху камня, какъ съ него посыпался въ воду настоящаи дождь бакланятъ... У насъ уже и раньше начало шевелиться чувство недоовѣствия собой за надѣланную въ птицемъ населеніи тревогу, но встрѣтить птенцовъ вистро не разсчитывалъ... Подѣтншіе сверху въ море бакланята были послѣднею каплею, совершенно испортившею все настроеніе духа. Еще не совсѣмъ оперившіеся, неумѣющіе хорошо плавать, они, едва попробовавши прикосновенія непривычной холодной воды къ голому брюху и борясь, правда, съ мелкими, но все же замѣтными для нихъ крошечными силами, волнами, вѣзали обратно на берегъ, уже совершенно не обращая вниманія на человѣка; нѣкоторые, просто въ какомъ-то безчувственномъ состояніи, тянулись къ берегу, выползали на первый попавшійся камень и ложились на него. Иныхъ волна прибила уже мертвыми... Живыхъ мы отсаживали дальше отъ прибоя, на скалу...

Но пусть представитъ себѣ читатели все-таки и слѣдующую картину... На берегу, почти уткнувшись носомъ въ воду, лежить на брюхѣ матросъ. У него въ обѣихъ рукахъ что-то бѣлое, подъ мышками — тоже, и огромная масса этого бѣлага возится, — очевидно, живая... Подходимъ ближе... Одинъ изъ нашихъ лучшихъ и младѣйшихъ матросовъ, совершенно не обнаруживавшій раньше духа степеня, поймалъ нѣсколькихъ молодыхъ бабъ. Однѣхъ онъ держитъ руками за крылья и шею, другіе прижалъ локтями подъ мышками, и такъ нашь птенцы ведличиною съ добрую дворянку, то ему трудно сладить съ добычею. Они бьются, и чтобы не выпустить ихъ, остается одно — лежать на брюхѣ и сжимать покрѣче непокорное приобрѣтеніе... Онъ такъ и дѣлаетъ...

— Это что такое? Зачѣмъ? — спрашиваю я...

— Позвольте на судно взять...

Нужно было видѣть величину заполненной массы, чтобы повѣтъ весь комизмъ этого желанія и просьбы...

— Зачѣмъ же ихъ тебѣ?..

— Кормить будемъ, а. вб—діе!.. Выкоримъ...

(Выкармливать и воспитывать — страсть матросовъ.)

— Чѣмъ же кормить ты будешь?..

— Крупной, хлѣбомъ...

Я приказалъ бывшему со мною другому матросу взять одну изъ убитыхъ бабъ и встряхнуть ее за ноги головою внизъ... Изъ жнныа выпалъ каркъ, пернсовъ 6 дюймов.

— Такой крупной? — спрашиваю я...

— А крупы-то онѣ бсть не будутъ?

— Ничаго не будутъ...

— Что же прикажете дѣлать съ ними, а. вб—діе?

— Пусть, — вотъ что...

Матросъ освобождаетъ плѣнницъ, которыя бросаются въ воду и уплываютъ...

Тотчасъ осмотрѣвъ, смѣривъ: все, что можно собрать на немъ, собрано, и мы возвращаемся на судно.

Я не запомню такого непріятнаго и тоскливаго вечера на Аралѣ, какъ на этотъ разъ. Стоя-

ли мы на якорѣ очень близко отъ камня, и до поздней ночи слышались крики перетревоженного населенія...

Бакланы, чайки и бабы составляютъ всю птичью фауну Токпана. Мы нашли, правда, тутъ же молодыхъ, еще не летающихъ, сѣрыхъ цапель или чепуръ (*Ardea cinerea* L.) но, по всей вероятности, это случайное явленіе.

На побережьи Токпана, подъ водою, въ обилии расцвѣтутъ водоросли, *Enteromorpha* и *Cladophora*, а между ними устраиваются мелкіе раки. Съ другой стороны, водоросли даютъ приютъ личинкамъ разной двукрылой мелкоты.

Но Токпакъ-Кызъ и Иезеде-Араль, однако, не настоящіе тины обрывовъ. Это — исключительные частные случаи, гдѣ, благодаря сочетанію особаго рода условий, сложились своеобразная фауна, своеобразныя отношенія элементовъ, своеобразная обстановка и т. д.

Нормальныя условія обрывовъ иныя, — они были уже указаны выше. Типичны для обрывовъ не бакланы, бабы и чайки, которыхъ можно встрѣтить и на любой песчаной отмели, а ящерица *Eremias velox* Pall., да, можетъ быть, песчаная некрасивая *Gymnodactylus camparius* Eichw., тоже ящерица, — почва, чуть зеленопато-сѣрая, съ огромными глазами, покрытая крупными щитками, разбѣшенными между мелкою чешуею. Случайно можно встрѣтить въ обрывахъ также подчьи норы, а въ одномъ мѣстѣ мы видѣли огромную колонию галокъ (*Coturnix monedula* L.?). Стрижи (*Cotyle giraga* L.) — также нормальные жильцы этой узкой полосы.

Изрѣдка, около родниковъ, можно встрѣтить также одну изъ красивѣйшихъ птицъ мѣстности — розоваго скворца (*Pastor roseus* L.), покрытаго перьями чистаго розоваго цвѣта, съ черною головою и крыльями.

Но самую типичною формою обрывовъ изъ всѣхъ ихъ остается юркая и живая *Eremias velox* Pall.

Жарко. Солнце страшно печетъ. Прибрежные пески нагрѣты. Нагрѣты и свалившіеся на нихъ съ обрыва каменныя глыбы. Отсутствіе жизни, на первый взглядъ, полное. Но это — на первый взглядъ. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, и на камняхъ, и между камнями, хотя можетъ быть, притаившая, разомѣшавшая подъ тяжелымъ припекомъ солнца: — палцины, стройныя, длиннохвостыя и остромордыя ящерицы, — синева-сѣрыя, съ продольными рядами черныхъ точекъ по бокамъ тѣла, внутри которыхъ находится еще по синева-гому глазу, — расползались на теплыхъ камняхъ, и въ одиночку, и кучками, и сторожко слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ вокругъ нихъ. Это и есть *Eremias*.

Издали можно любоваться ими подолгу. Ловко повернутыя, внимательныя фигуры ящерицъ, съ граціозными линиями изгибовъ тѣла, живыми глазками, часто крутыми, часто вращающимися, но всегда красными мѣскими движеніями — даютъ жизнь сѣрымъ камнямъ и удивительно стройно сливаются съ ними.

Ж. Р. Т. Х. Р. С. А.

Но если подойти ближе, — то ящерицы сейчас же дадут явныя доказательства, что онѣ ведромя носить данное имя *Chalcidomys velox*, — быстрыи.

Движенія, которыми онѣ срываются съ мѣста и прычутся за камень, — мгновенны. При преслѣдованіи онѣ сперва быстро перебѣгаютъ на другую сторону камня, прычутся въ трещинахъ, но, увидѣвши, что за ними ведется охота *en forme*, начинаютъ куда-то исчезать съ камней, къ удивленію наблюдателя, ищащаго съ ними дѣло въ первый разъ. Несомнѣнно, что онѣ сидѣли на камняхъ по множествѣ, — а теперь ихъ нѣтъ ни на камняхъ, ни подъ камнями, ни въ расщелинахъ, ни на сосѣднихъ камняхъ. Убѣжили? Случайно пошавшаяся на глаза, сверкнувши стрѣлою на полость песку, но направленно къ обрыву, зрѣмиась разъяленно, наконецъ, въ чресть дѣло: — ящерицы перебѣжали къ обрыву, гдѣ онѣ, по ихъ мнѣнію, въ болѣе безопасности.

И мнѣше ихъ на зтоя счетъ вполнѣ основательно: — стоитъ подойти къ камнямъ, лежащимъ у подошвы обрыва, какъ то одна, то другая ящерица стремглавъ бросается вверхъ по обрыву, по отвѣсной линіи, дѣлаясь за неровности камней, мелкия щели, корешки растеній, и черезъ нѣсколько мгновеній пропадаетъ изъ виду или останавливается уже на совершенно недостигаемой высотѣ.

Очень любопытныя молодилы *Eremias*; это кроничныя, — дѣйма до полутора, — созданиа, совершенно другой окраски, чѣмъ ихъ родители, — до того, что изъ нихъ былъ сдѣланъ даже особый видъ, *Eremias erythrurus Sewerzow*, пока не разъяснилось, что это молодилы *Eremias velox* Pall. Маленькия зрѣмиась — сѣро-желтаго цвѣта, въ узкихъ продольныхъ черныхъ полосахъ (которыя и распадаются при возрастѣ на глазкообразныя пятна) и съ краснымъ снизу хвостомъ. Онѣ встрѣчаются тутъ же, гдѣ и старилы, но не на камняхъ, а въ пескахъ: очевидно, *Eremias* кладутъ яйца въ песокъ, гдѣ и держатся въ первое время молодилы, окрашенныя въ этомъ случаѣ подѣ цвѣтъ песковъ, тогда какъ взрослые окрашены подѣ цвѣтъ камней. Стало быть, мы видимъ здѣсь разную окраску, одной и той же формы, соответственно различію услоній, въ которыхъ она живеть, то въ одно, то въ другое время. Общій тонъ расписанія молодыхъ сверху очень напоминаетъ окраску живущаго въ пескахъ же тафретопова.

Но перейдемъ, однако, черезъ обрывъ и выйдемъ на высокую стѣну. Мы находимся теиерь на глинистой равнинѣ. Почва очень плотна, общій цвѣтъ ея — зеленовато-сѣрый. Всюду рѣдка щетки сухой травы, нѣсколько не скрывающей почвы и съ трескомъ ломающейся подъ ногами. Равнина покрыта мелкими водомоинами, вообще очень широкими и неглубокими, но самому углубленному мѣсту которыхъ тянется мелкия бороздка, — ложа послѣднихъ дождевыхъ ручьевъ. Мѣстами, попадаются болѣе глубокия рытвины, заросшія тамъ и тутъ тростникомъ, изрѣдка съ одиночными кустиками тальника (*Salix*) и тополей (*Populus diversifolia*). Рѣже встрѣчаются настоящія овраги, иногда очень длинныя, весьма глубокія, съ крутыми боками. Такъ, напр., овраги острова Кугъ-Аралъ производятъ положительное впечатлѣніе горныхъ ущелин. Съ обѣихъ сторонъ стоятъ высокія, въ сотни футовъ, отвѣсныя стѣны, изъ которыхъ торчатъ, вися надъ головою, какъ будто бы каменныя глыбы. Такими же глыбами усѣяно и чрезвычайно узкое ложе на днѣ оврага. Но эти камни — вовсе не камни, а комья глины, и это обстоятельство даетъ разгадку необыкновенной узкости овраговъ при значительной глубинѣ ихъ. Воиа оврага состоятъ изъ глинъ нѣсколькихъ родовъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ зелено-сѣрыя, — грубо-сланцеватая и тонко-сланцеватая, — глины. Тѣ и другія чрезвычайно плотныя, при сухости здѣшняго воздуха, — безъ всякаго слѣда влажности. Между тѣмъ, въ силу очень тонкаго внутренняго строенія, онѣ легко размокаютъ и весьма уступчивы по отношенію къ текучей водѣ. Поэтому, когда потокъ атмосферной воды углубляется въ толщу ихъ, то струя, легко размачивая глину и улесаая то, что размокло, быстро прорѣзываетъ всю толщу съ верха до низу, причемъ, въ силу уступчивости

глины, поток углубляется, не успевая расширяться, — и овраги выходят узкими. Но такъ какъ въ сухомъ состояннн, тѣ же самыя глины, по причинѣ сухости воздуха, чрезвычайнаю плотны, то, выше уровня воды въ оврагѣ, онъ распадается на мелкіе куски или размываются очень медленно, и, при осыпаннн сильнѣе разрыхленныхъ частей, болѣе плотныя массы пѣхъ выдвигаются изъ бока оврага и висятъ, какъ каменныя глыбы. Такое впечатлѣніе еще болѣе усиливается особенностями общаго очертанія кусковъ, въ сущности, сланцевато-сложенныхъ и прикипающихъ форму брускообразныхъ или доскообразныхъ отдѣльностей. По разрыхленіи ихъ и осыпаніи боковъ овраговъ, какъ ни медленно оно совершается, идетъ сплоскъ чередомъ, и, какъ сказано выше, овраги переходятъ, въ концѣ концовъ, въ долины. Одного внимательнаго взгляда на высокую, глинистую степь совершенно достаточно, чтобы понять, что всѣ ея неровности, всѣ впадины, холмы и горки — результаты размыванія первоначальной равнины, что возвышенія — навалы болѣе прочныя, долѣе устоявшія передъ вліяніемъ размыва атмосферною водою, пункта на равнинѣ. А потому, не смотря на нѣкоторое разнообразіе очертанія поверхности, иногда довольно значительное, на отдѣльныя возвышенности, глинистая степь производитъ ясное впечатлѣніе равнины.

Растительность степи бѣдна. Какъ сказано, лѣтомъ — это полуосвоенныя поросли рѣдной, невысокой травы, да отдѣльные кусты или рощи саксаула, который, собственно, и типиченъ для степи, хотя спускается отсюда на обрывы и даже переходитъ на песокъ. Видъ степи, съ остатками высушенной травы, пусть читатель вообразитъ самъ; что же касается саксаула-пникъ, то они въ главной чертѣ производятъ очень сходное впечатлѣніе съ джозгунами: пѣть широкихъ листьевъ, пѣть тѣни. По взгляду одного изъ нашихъ ботаниковъ, близко знакомаго съ Арало-Каспійскою страной, г. Смирнова, характеристика деревьевъ адскаго лѣса, даваемая Дантовъ, отчасти (за исключеніемъ «con tascu», съ ядомъ) могла бы годиться и для саксаула:

Non frondi verdi, ma di color fesco;
Non fiam schietti, ma nodosi e involti;
Non pomi v'eran, ma stecchi con tascu.

(Не зеленые листья, но бурого цвѣта, не гладкія вѣтви, но узловатыя и искривленныя, не яблоки, а тернія (ядопыты) росли на нихъ *(деревьяхъ)*).

Кусты саксаула, — не высокіе, кривые и извитые, вправо и влево, отъ корня до послѣднихъ крупныхъ вѣтвей, съ узлами различной величины и формы, на различныхъ расстояніяхъ другъ отъ друга, съ самыми неожиданными изгибами въ стороны послѣ каждаго узла, — образуютъ весьма оригинальныя по виду поросли. Издали эти поросли производятъ впечатлѣніе жидкихъ, молодыхъ порослей сосняка, пока дерева еще не начали вытягиваться вверхъ, но только лигаа цвѣта. Сосновая поросль имѣетъ яркіи, зеленый цвѣтъ, а саксауловая — тусклый, темно-зеленый, но не бурый, какиаъ долженъ быть дантовскій лѣсъ.

Саксаулы на равнинахъ, какъ на теменн острововъ Барса-Кальмеса и Николая I, растутъ довольно рѣдко разсѣянными другъ отъ друга кустами или группами кустовъ; но по окраинамъ обрыва, по верховьямъ и вдоль рождающихся водомоитъ, на островѣ Николай I, онъ образуетъ настоящія роицы. Такія роицы, какъ слѣдуетъ ожидать, необыкновенно свѣтлы: листья деревьевъ не развиты, и весь солнечный свѣтъ чуть не спозна проникаетъ въ рошу. Только около корней образуются свѣтлыя, голубоватыя тѣни. Сквозь вѣтви глазъ видятъ далеко. Если прибавить къ этому, что кусты покрыты грязновато-сѣрою корою, потрескавшеюся и мѣстами отстающею, запалены или обросли паразитами, то легко понять, насколько сильное впечатлѣніе сухости и мертвенности должна производить саксауловая роца. Это — не то высохшая, обезлиственная тальниковая чаща (если бы не такъ извиты и узловаты были вѣтви), не то остатки какого-то частаго мелколѣся послѣ пожараща въ сосѣднемъ лѣсу, до того засушливаго и подпаливаго поросель, что деревья потеряли листья и только что не обуглились, едва-едва сохранивъ въ себѣ настолько силы, чтобы зазеленѣть снова... Эта лопля зеленъ словно не можетъ пробиться и засѣять сквозъ свой пыль и грязь, нашіпшн на деревья, пока

они стояли безъ листьевъ. Но голубыя тѣни между кустами и странный зной солнца говорить намъ, что тотъ пожаръ, который высушилъ эти поросли, продолжается сейчасъ, будетъ продолжаться дальше, и что эта зелень — не слѣжая листва, пробивающаяся на загрязненныхъ вѣтрахъ, а листва, которую онѣ только и могутъ вырастить на такомъ припежѣ.

Высокая степь не кажется, однако, безжизненною, какъ, напр., барханная полоса. Остатки сухой, побурѣвшей травы придаютъ ей такой видъ, какъ будто бы это положение дѣлъ — временное: придетъ весна, и все зазеленѣетъ. Такъ оно и бываетъ на дѣлѣ. Когда стаетъ сибирь, степь быстро покрывается растительностью, живущею, однако, весьма короткій срокъ. Наступающе жары высушиваютъ и сжигаютъ ее начисто; остаются лишь воспоминанія о ней въ видѣ сухихъ щетокъ.

Съ другой стороны, не бѣдна степь и животными. Видовъ немного, но много особей, и что-нибудь безпрестанно попадает на глаза. Такъ, напр., премилая ящерица (*Phrynoscephalus heposcorus* Kaup.) является здѣсь постояннымъ спутникомъ. Это — маленькая ящерица, зеленовато-сѣрая, совсемъ подѣ цвѣтъ почвы, толстобрюхая, съ короткою, широкою головою, съ тупымъ рыломъ, сильно сплюснутая сверху внизъ. Покрывается она очень мелкими чешуйками, между которыми окрашены другія, болѣе крупныя, такъ что, въ общемъ, поверхность тѣла на спинѣ шероховатая. Хвостъ округленный, толкій, сравнительно съ туловищемъ, и утолщенный лишь при основаніи.

Неизбѣжнымъ и неприятнымъ спутникомъ на глинистой степи является также одна змѣя (*Trigonosephalus halys* Pall.), весьма ядовитая, принадлежащая къ той же группѣ змѣй, какъ посѣтитъ известная гремучая змѣя Америки. Какъ и фриноцефалъ, тяжелый и мало-подвижный тригоноцефалъ окрашенъ подѣ цвѣтъ почвы, — зеленовато-сѣрымъ цвѣтомъ, и на этомъ фонѣ разбросаны крупныя, неправильныя черныя пятна. Змѣя — длиною до аршина, толщиной четверти въ три дюйма. Тригоноцефалы встрѣчались намъ очень часто, и съ рѣдкою прогулкою по берегу мы возвращались безъ этой добычи. Однажды такая добыча даже сама лизалась на судно, неизвѣстно какъ и откуда. Мы стояли около мыса Кауфманна, и я съ частью команды пробылъ около полтора сутокъ на берегу. По возвращеніи на судно, командиръ встрѣтилъ меня извѣстиемъ, что они поймали въ мое отсутствіе змѣю на суднѣ. Утромъ, въ день моего возвращенія, стали снимать съ коммасы брезентъ, которымъ онъ закрывался на ночь, чтобы защитить чистенную мѣдь нактоуза отъ вліянія ночной сырости. Вдругъ изъ-подъ брезента вывертывается змѣя и пускается по судну. Ее поймали и посадили въ банку. Я пошелъ осматривать змѣю, въ глубокомъ убѣжденіи, что это какой-нибудь ужъ, и легко представить мое удивленіе, когда въ банкѣ оказалась тригоноцефалъ. Какъ попала змѣя на судно — я до сихъ поръ не понимаю: — вѣроятно, была принесена съ тростяникомъ, запавшимся для скота, или съ саксауломъ. Тригоноцефалъ не отличается, какъ сказано, живостью; накрытый человѣкомъ, онъ свертывается кольцомъ, шипитъ, и мы ловили его прежде, чѣмъ онъ собирался уходить.

Въ степи можно встрѣтить также общепѣстнаго обитателя юга Россіи — удача или пустопку (*Urota erops* L.), и другого жильца южной Россіи — козодоя (*Sarimulgus europaeus* L.). Въ порахъ, во множествѣ вырытыхъ на степи, живутъ желтые суслики (*Spermophilus turganicus* Lichtenst.); иногда можно встрѣтить и ушатого степнаго ежа (*Eriacaeus auritus* Gm). одного изъ такихъ обитателей глинистой степи я собственноручно вытаскивалъ изъ норы на островѣ Барса-Кильмесѣ, и не безъ нѣкотораго удивленія относился къ его, догеновскимъ въ своемъ родѣ, приспособленіямъ. Представьте себѣ среди грибовъ сухой травы, на совершенно голомъ мѣстѣ, круглую дыру въ почвѣ, до 4 — 5 дюймовъ въ диаметрѣ. Прямо изъ этой дыры, на глубинѣ 2 — 3 дюймовъ отъ поверхности почвы, изъ земли выплываетъ масса иголъ. Это — щоръ; изъ нея торчатъ спина ежа. Когда ежъ развернется, онъ вылезаетъ совершенно свободно; но когда онъ свернуть въ клубокъ, отверстіе норы оказывается слишкомъ мало, чтобы

можно было вытащить звѣрька, тѣмъ болѣе, что и ухватить его не за что. Въ такомъ видѣ ему не страшны никакіе праги. Пусть придетъ, напр., хоть степная лисица и попробуетъ достать его. Почва тверда, и чтобы добыть ежа, нужно начать разрывать отверстие норы и сильно работать лапами... Но тогда лапа, при каждомъ движеніи, неизбѣжно наткнется на иглы ежа. Присмотрѣвшись къ его положенію, легко видѣть, что это самая прерарительная и самоуверенная — безомыслная манера выразить: «не безакой!»

Но настоящими дѣтьми и владыками степи являются степные рябки (*Pterocles arenarius* Pall. *Pterocles* и *alchata* L.), степная кура (*Syrnbarptes paradoxus* Pall) и сайгакъ (*Antelope saiga* Pall.), дающіе товъ мѣстности.

Рябки и куры очень близки другъ къ другу, и непривычный глазъ не различитъ ихъ на лету. Это очень подвижныя птицы, великолѣпные летуны, которые могутъ ежедневно совершать и, дѣйствительно, совершаютъ большія передвиженія по степи. Въ общемъ онѣ напоминаютъ по виду и полету голубей, но, съ другой стороны, въ нихъ много общаго съ курами.

Описать внѣшность этихъ своеобразныхъ птицъ и характеризовать ее какими-нибудь немногими чертами — крайне трудно; нужно видѣть ихъ, чтобы понять ихъ красоту при весьма скромной наружности. Какъ рябки, такъ и куры — птицы общественныя и живутъ огромными стадами. Часто вблизи родниковъ, куда онѣ являютъся на водопой, эти стаи встрѣчаются и взлетаютъ на каждомъ шагу, достигая, кромѣ того, весьма большой численности, такъ что воздухъ положительно наполняется летающими птицами. Куръ и рябковъ вообще здѣсь много, и при стоянкѣ въ заливѣ Куль-Суатъ, они служили очень замѣтнымъ подспорьемъ нашей свѣжей провизіи. Мясо, хотя и сухо, но вкусно.

Кура степная ежа.

Самая завидная охотничья добыча и самый видный представитель полосы высокой глинистой степи — сайгакъ. И въ началѣ плаванія, когда охотникамъ попадались лишь чайки да бакланы, т. е., птица, для охоты негодная, и потомъ, когда у насъ были и утки, и степныя куры, и рябки, — охотники все-таки собирались «поохотиться по-настоящему» только на островѣ Николай I, обильномъ сайгаками.

Въ первый разъ мы встрѣтили сайгаковъ на полуостровѣ Куланды, гдѣ разыскивали и осматривали родники, чтобы забрать свѣжей воды. Осмотрѣвши одинъ родникъ, мы шли къ другому. И былъ съ порядочно кучкою матросовъ. Мы шли, сильно утомленные и жаромъ, и длиннымъ путемъ, который успѣли уже сдѣлать. Съ высокой глинистой степи намъ нужно было спуститься на солончакъ, а за нимъ были уже и тѣ родники, куда слѣдовало идти. Солнце склонялось, и сухой зной былъ томителевъ. На солончакъ мы вступили почти съ отчащеніемъ, кое-какъ протаскиваясь черезъ сыпучую пыль и, выбравшись на твердое мѣсто, приготовились отдохнуть. Утѣрь-офицеръ Барбашевъ шелъ впередъ и обходилъ кругомъ глинистый холмикъ на той сторонѣ солончака, высматривая, нѣтъ ли какой дичины. Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ онъ скрылся за холмикомъ, мы услышали глухой, рожучій шумъ, перешедшій въ явственный, раскатистый топотъ, и изъ-за холма, вправо передъ нами, бурей вылетѣло нѣсколько рогатыхъ и безрогихъ, бурожелтыхъ фигуръ, съ бѣлыми маншиками. Грудь впередъ, переднія ноги взмахнуты и вытянуты во всю силу мышцъ, головы немного назадъ... Табувъ бросается черезъ солончакъ... Торопливо срываются съ плечъ винтовки...

Баць!...

Чья-то пуля носится рикошетом, поднимая пыльную облачка на солончакѣ, далеко въ сторону отъ скачущаго табуна. Стрѣляю и... Тоже мимо... Но мой выстрѣлъ сайгаки почувствовали: табуны раздѣла въ сторону отъ пули и раздѣлился на два... Обѣ половины бросаются нѣсколько разъ, съ огромною быстротою, загарами, изъ стороны въ сторону; нѣкоторые козлы прыгають, подбрасывая задня ноги высоко вверху. Половины снова сплачиваются въ одно цѣлое; табуны въ два прыжка переносятся черезъ крутой спускъ съ высокой стѣны и мчатся, въ облакахъ пыли, въ даль.

Первая охота окончилась неудачою.

Послѣ того мы встрѣчались сайгаковъ и въ другихъ мѣстахъ, поодионокѣ и небольшими кучками, стрѣляли, но всегда на огромныхъ разстоянїяхъ и на удачу.

Островъ Николай I не обманулъ нашихъ ожиданїй и сразу отбилъ всякое желанїе охотиться за сайгаками, — по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ. 11-го августа мы подошли къ о. Николаю I и стали на якорѣ въ Южной бухтѣ, а 12-го, проспавшись, я всталъ судно подвинутымъ влѣзть къ берегу, и Барбашева уже не было дома: ушелъ за сайгаками. Послѣ чаю, и я заторопился на берегъ. Утро было совершенно ясное, солнце уже пекло, и день обещалъ быть очень жаркимъ. Освѣтеше конца лѣта, дымка паровъ надъ моремъ, низменное, песчаное побережье Николая I и невысокій обрывъ, поросшїй саксаульникомъ, — вводили въ обманъ: — казалось, будто-бы находишься у берега какого-то болѣе сѣвернаго моря. Саксаульникъ глядѣлъ соснякомъ, а вертѣвшися на немъ сороки (*Pica caudata* L.), одинъ только разъ и виднѣвшая на Арабатѣ, именно здѣсь, еще болѣе усиливали впечатлѣнїе сѣвера. Я чувствовалъ себя болѣе юркимъ по-сѣверному, и перебравшись черезъ окраинный обрывъ, вступилъ по равнинѣ на теменн острова. Какъ вездѣ, такъ и на Николаѣ I, — глинистая, зелено-сѣрая стѣнь составляетъ темя, тѣ же грани высушенной, хрустящей подъ ногами травы, тѣ же голые каучины почвы между ними, тотъ же саксаулъ... Солнце понемногу поднимается, и отъ земли начинаютъ струиться потоки теплаго воздуха. На окраинахъ плоскаго теменя острова саксаулъ образуетъ густыя, прозрачныя поросли. На степи много сайгачьихъ слѣдовъ... Да, должно быть, не мало и сайгаковъ, такъ какъ черезъ полчаса ходьбы я уже вижу вдали нѣсколько штукъ. Иду къ нимъ, но они бѣгутъ прочь и уходятъ. Вышли же они на степь, повидимому, изъ тѣхъ саксауловыхъ порослей, которыя тянутся вдоль низкаго обрыва, слѣва отъ меня. Начинаю отъ поры до времени мелькомъ взглядывать на саксаульнички, хотя меня болѣе занимаетъ даль, гдѣ я уже видѣлъ сайгаковъ... Вдругъ, шагахъ въ пятидесяти, въ кустахъ саксаула мелькнуло что-то буровато-желтое... Сайгакъ?.. Да... Крупно, но медленно, рысью онъ проходитъ между кустами, выходя изъ поросли на степь. Вышелъ... У меня зеленѣетъ въ глазахъ, дыханье захватываетъ... Машинально взвожу курокъ, машинально прицѣливаюсь — ровно и методически, не смотря на внутреннюю лихорадку... Нужно прежде всего остановить... Въ крестецъ нужно стрѣлять... Баць! шагахъ въ ста... Сайгакъ вздрогнулъ, остановился и понелъ потихоньку, наклоняя, какъ будто къ травѣ, голову... Олягъ совершенно машинально, — словно руки дѣлають все сами собою, — взводится курокъ, откидывается стволъ винтовки, выдвигается и адвигается на мѣсто экстракторъ, достается изъ патронташа и вкладывается новый патронъ, зашелкивается стволъ и взводится на второй взводъ курокъ... Въ глазахъ положительно темнѣетъ... Въ головѣ одна болючая мысль: «уходить!» Баць!.. Снова вздрогнуть и продолжаетъ уходить тою же медленною поступью... Перебѣнзъ патронъ... Баць!.. Идетъ... Уйдетъ!.. Еще разъ вложенъ новый патронъ... Расстояние болѣе ста шаговъ... Теперь я буду стрѣлять въ цѣлю... Полночьный звукъ выстрѣда, затѣмъ глухой шелчекъ тамъ, въ немъ, въ родѣ шелчка пальцемъ по подушкѣ, и сайгакъ падаетъ, какъ подкошенный, на бокъ... Въ глазахъ посвѣтлѣло... Но ушелъ, не уйдетъ!.. Со всѣхъ ногъ бросаюсь, переходя на бѣгу духъ, къ добычѣ... Сайгакъ бьется на землѣ... Но какіе великодушные, какіе чистые и краткіе глаза у него!.. Меня сразу охватываетъ какое-то непрїятное чувство, какъ

будто-бы я сдѣлать очень дурное дѣло... Я рѣшительно не могу видѣть его предсмертною вздрагиваніемъ... Пусть бы еще не было такъ красиво и такъ мило... Я отхожу на нѣсколько сажень, становлюсь спиною къ сайгаку и жду: пусть умретъ настолько спокойно, насколько это теперь возможно для него... Оглядываюсь, не бьется... Значитъ, конечно... Мнѣ рѣшительно совѣстно и грустно... Къ чему?... Однако, иду къ сайгаку... Но добыча не дурна: — стройная антилопа, съ гладкою, короткою, желто-бурою шерстью, съ бѣлыми брюхомъ и нагрудникомъ, съ высокою, — выше чѣмъ у лошади, — верхнею губою, стройными, тонкими ножками, съ маленькими копытцами и стройною шеей...

Мой сайгакъ былъ первымъ на судей. Когда кожа была снята, то на спинѣ она оказалась очень тонкою и рыхлою. Всю эту часть занимали, сидя бокъ-къ-боку, какъ пчелыная черва въ сотахъ, огромныя личинки овода, — толстыя, бѣлыя черви около дюйма длины и болѣе трети дюйма толщиною.. Какая страдальческая жизнь! Таскать на себѣ, въ кожь, каждое лѣто до трехъ фунтовъ паразитовъ, причѣмъ надъ каждымъ просверлена въ кожѣ маленькая дырка на свѣтъ Божій!..

Первая пуля прошла, дѣйствительно, черезъ крестецъ на-вылетъ, послѣдняя на-вылетъ черезъ шею; двѣ же другія ошарали ухо и переднюю ногу.

Барбашень пернулелъ вечеромъ. Онъ убилъ двухъ сайгаковъ и не могъ принести ихъ, такъ что оказалась необходимою помощь. На нихъ личинокъ овода (свищей) было еще больше, чѣмъ на моемъ.

Мясо сайгана очень вкусно. Кромя сайгана, въ степи живетъ еще другая антилопа (*Antilope subgutturosa* Güld.). Но мы видѣли ее всего разъ. Она очень похожа на сайгана, но уже прежде всего отличается отъ него отсутствіемъ вздутой верхней губы, дѣлающей сайгана горбоносымъ. Что же касается дикаго степнаго осла — кулана (*Equus onager* Pall.), — то овъ не попался намъ на глаза впрямъ, хотя на солончакахъ, около родниковыхъ водоистовъ, слѣды его встрѣчались часто и во множествѣ.

Вотъ болѣе типичныя представители высокой степи, въ дополненіе къ которымъ упомянемъ еще о красивой, маленькой каменушкѣ (*Saxicola* Sp.), попадающей около грудъ камней на киргизскихъ могилахъ, и о скорпионѣ (*Scorpio* Sp.?), принадлежащемъ одинаково и степи, и обрывамъ, — послѣднимъ даже въ болѣе высокой степи. Его можно найти, въ извѣстныхъ мѣстахъ, почти подъ любымъ камнемъ. Это — маленькое животное, длиною немного больше чернаго таракана, но значительно коренастѣе, однообразнаго, некрасиваго, зеленоватого цвѣта. Его очень боятся въ степи, хотя убиваютъ, что укушеные не сопровождаются серьезными послѣдствіями. Какъ лекарство, употребляютъ деревянное масло, смазываютъ имъ укушенное мѣсто.

Высокая глинистая степь не есть, однако, предѣльная полоса, если идти вглубь суши отъ уровня моря. На глинахъ, мѣстами, являются снова пески, достигающіе иногда весьма большого протяженія. Это — пески древней барханной полосы, къ которымъ принадлежатъ Исень-Чагыльскіе пески, находящіеся вблизи залива Кумъ-Суатъ, около сѣверо-западнаго берега моря, пески Большіе и Малые Барсуки, и др.

Въ главныхъ чертахъ то, что сказано о пескахъ дюнной полосы, отнесется и къ этимъ пескамъ: одинаковая флора, одинаковая фауна. Но, благодаря своему протяженію и обилію матеріала, переносимаго вѣтромъ для образованія холмовъ, самые холмы или барханы достигаютъ здѣсь весьма большой величины. Пески эти — морскаго происхожденія, хотя на нилъ

Сайгаки на высокой степи, Самаркандъ.

нельзя иногда найти ни одной раковины, но они отложены в болѣе древни времена, при болѣе высокомъ стоянии моря. Что же касается отсутствія окаменѣлостей, то нужно принять въ расчетъ, сколько разъ они переметались вѣтрами, причемъ органическіе остатки должны перетираться; а съ другой стороны, при переметахъ вѣтрами переносится болѣе легкія частицы песку, который выдувается изъ-подъ сравнительно тяжелыхъ предметовъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого должно быть все болѣе и болѣе погруженіе въ глубину песковъ предметовъ тяжелыхъ, и по всей вѣроятности, окаменѣлости и находятся въ нихъ, но не на подвижной поверхности, а въ глубинѣ.

Равнымъ образомъ, на высокой степи есть и соляныя озера, и солончаки — тоже остатки и памятники древняго моря. Вообще они находятся на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и имѣютъ большіе размѣры.

Чтобы покончить съ сушию, намъ остается еще упомянуть о родникахъ. Мы уже говорили о формѣ родника. Они находятся вообще въ обрывахъ или на границѣ глинистой степи и дюнной полосы, гдѣ степь подходит къ донамъ полого, устьемъ лошаины. Кромѣ шихъ, въ пескахъ есть нныя источники прѣсной воды — простыя окошки въ массѣ песку, ведущія къ скопленіямъ атмосферной воды въ глубинѣ песковъ. Воды родниковъ, охлажденныя болотистыми тростниковыми порослями, являются рѣдко выраженными типами мѣстности и въ извѣстныхъ времена для сборными пунктами для звѣрей, живущихъ на соседней степи, и для массы различныхъ птицъ, — прилетающихъ и арлетающихъ сюда на водопой. Кромѣ гостей, родники имѣютъ и постоянныя жильцовъ, гнѣздящихся тутъ и выводящихъ дѣтей. Это — прежде всего кулики съ неизбѣжнымъ ходунами комъ (*Hipsibates himantopus*) L. во главѣ, и нѣкоторые изъ живущихъ въ тростникахъ пѣвчихъ птицъ.

Родникъ; окошки воды и холдикины.

Слѣдовало бы сказать, въ заключеніе очерка суши, о хозяевахъ земли, о людяхъ. Но, въ нашемъ случаѣ, дѣло упрощается тѣмъ, что постойныхъ жителей на берегахъ Арала — нѣтъ. Сюда приочевываютъ на зиму, откочевывая на лѣто къ сѣверу, Киргизы, не имѣющие ни одного населеннаго пункта, ни одного прочно основаннаго шалапа на берегу. Только въ устьяхъ Аму-Дарьи встрѣчаются шалапы рыбаковъ Киргизовъ, да въ устьѣ Сыръ-Дарьи на островѣ Косъ-Аралѣ, уже въ рѣкѣ, есть дѣя избушки, также рыбаковъ, но Русскихъ.

Въ нашу бытность на Аралѣ, въ посѣщенныхъ нами пунктахъ береговъ, Киргизы держались лишь около песковъ Песей-Чагыль, но, кажется, ихъ было немного. Мѣста же зимовокъ встрѣчаются на берегахъ не рѣдко; иногда зимнія жилья, — шалапы, — бывають, какъ напр., на полуостровѣ Кара-Тюль, вблизи пролива Аузы-Кугъ-Аралъ, отдѣляющаго островъ Кугъ-Аралъ отъ материка, весьма многочисленны, указывая, что зимовка была здѣсь людная.

Движеніе Киргизовъ съ сѣвера къ берегамъ Арала начинается, собственно, осенью. Пески Кара-Кумъ и Барсуки и вообще пункты, гдѣ есть вода, являются одними изъ наиболѣе замѣтныхъ пристанищъ. Но нѣкоторые проникаютъ и на острова, по льду, — на Кугъ-Аралъ и даже на Барса-Кильмесъ, куда, однако, какъ указываетъ самая кличка острова — «пойдешь, не вернешься», — они заходятъ лишь случайно и подъ страхомъ не вернуться. Одна частная шкуна, плававшая по Аралу въ 40-хъ годахъ, забрала разъ съ Барса-Кильмоса Киргизовъ потерявшихъ на островѣ весь скотъ и чуть не умершихъ съ голода. По рѣкамъ Киргизы ко-

Fig. 1. Beach scene in the tropical forest of the island of Java.

чують и зимою, и лѣтомъ. Когда мы возвращались по Сыръ-Дарьѣ съ моря, въ концѣ августа, то берега рѣки были покрыты киргизскими кочевками.

Обратимся теперь къ водѣ.

Рельефъ дна моря, на пространствѣ 62,000 кв. верстъ, очень не сложенъ. Отъ южнаго и восточнаго береговъ оно становится постепенно глубже и глубже къ сѣверу и западу; но такъ какъ самая большая глубина моря достигаетъ всего лишь 37 морскихъ (6-футовыхъ) сажень, то легко представить себѣ, какъ склонъ дна отлогъ: — на разстоянн многихъ миль отъ берега глубина все еще остается 1 и 1½ сажени. Въ морѣ различаютъ: Большое море — часть моря къ югу отъ острова Кугъ-Араль, и Малое море — къ сѣверу отъ него. По особен-

Фото Уаахувъ, Дарь.

ностямъ рельефа дна, нужно раздѣлить и Большое море на двѣ части — восточную и западную. Границу между ними образуетъ подводная гряда, сильно возвышенная надъ дномъ восточной и западной частей Большаго моря и идущая отъ южнаго берега, черезъ острова Беллинсгаузена и Лазарева, къ острову Николай I. Въ восточной части, болѣе обширной, глубина моря не превышаетъ 15 морскихъ сажень, но въ узкой, западной части она доходитъ до 37 морскихъ сажень, хотя такая глубина находится въ одномъ только мѣстѣ, вблизи западнаго берега, въ 4—5 миляхъ отъ него, къ пространствѣ между родниками Тась-Булакъ и Кутанъ-Булакъ. Это мѣсто — наиболѣе пониженная часть узкой глубокой борозды, идущей вдоль всей середины западнаго берега и сливающейся, посредствомъ похосы, глубиною въ 10—15 сажень, находящейся между островомъ Николай I и полуостровомъ Куланды, съ областью наиболѣе глубокихъ частей восточной половины моря. Малое море имѣетъ глубину не свыше 15 морскихъ сажень. Вообще, нужно замѣтить, какъ для всего моря въ цѣломъ, такъ и для указанныхъ главныхъ частей его въ отдѣльности, что области наибольшихъ глубинъ при- ходятся на сѣверъ и на западъ, между тѣмъ какъ на югѣ и востокѣ дно полого, и глубины незначительны; стало быть, склонъ дна у сѣвернаго и западнаго береговъ круче, чѣмъ у южнаго и восточнаго. Такъ, въ восточной половинѣ Большаго моря наибольшія глубины находятъ вблизи острововъ Беллинсгаузена, Лазарева и Николай I, приближаясь, затѣмъ, къ полуостровамъ Куланды и Кара-Тюпъ. Въ западной части Большаго моря наибольшія глубины находятъ вблизи западнаго берега, а на западъ отъ острова Николай I дно спускается отлого.

Въ Маломъ морѣ наиболѣе глубокія мѣста находятся также въ западной части его, ближе къ сѣверному берегу, чѣмъ къ острову Кугь-Арау, ограничивающему эту часть Малаго моря съ юга.

Вода Аральскаго моря имѣетъ весьма небольшое количество солей, сравнительно съ другими морями, но, тѣмъ не менѣе, вкусъ ея солоновато-горькій, и она совершенно не годна для питья. Сильный горькій оттѣнокъ во вкусѣ зависить отъ значительнаго содержанія сѣрно-кислой магнезін и сѣрно-кислаго натра.

Вода Арала въ течение лѣтнихъ мѣсяцевъ очень тепла. Средняя температура на поверхности, съ 15 юня по 15 августа 1874 г., была, напр., вычислена мною изъ ежедневныхъ наблюдений (по 6 разъ въ день, черезъ каждые 4 часа), въ 22,4° Ц.

Что же касается почвъ моря вообще и въ соответствии съ глубинами, а также распределенія въ немъ растений и животныхъ, то здѣсь необходимо различать:

1) Возмущаемый поясъ моря, — до тѣхъ глубинъ, на которыхъ было узловено распространене волненія въ глубинѣ.

Схема сѣченія черезъ море.
 а — иль въ глубинѣ.
 б — иль на возмущаемомъ прибрежьи.
 в — иль на прибояхъ.
 г — глубокая гряда камней.
 е — защищенное прибрежье (бухты, луки и пр.).
 А. Неревныя породы острова.

наго отъ прибой прибрежья, распадающуюся, далѣе, на полосу прибрежныхъ песковъ и полосу камней и каменныхъ грядъ, расположенныхъ открыто на прибой, — и область защищеннаго прибрежья (бухты, заливы или вообще такія пункты, куда не проникаетъ прибойная волна, приходящая съ открытаго моря).

2) Относительно покойный поясъ, — пластъ воды съ глубины 20 сажень, гдѣ нельзя предполагать существованія вліанія волненія, по крайней мѣрѣ, съ замѣтною силою.

3) Промежуточный, между 10 и 20 саженьми, гдѣ можно предположить существованіе слабого движенія воды, подъ вліаніемъ сильныхъ волненій, хотя, вообще, онъ долженъ примкнуть, но представляемымъ ивъ условіямъ, къ относительно покойному поясу.

Пласты воды обонхъ нижнихъ поясовъ лежатъ на илѣ, который и составляетъ дно глубокаго моря, а пластъ воды перваго пояса, на своихъ окраинахъ, гдѣ онъ соприкасается съ сушено, лежитъ, главнымъ образомъ, на пескѣ и камняхъ, хотя въ закрытыхъ до извѣстной степени мѣстахъ, въ заливахъ, иль встрѣчается и на глубинѣ меньше 10 сажень, а именно на глубинѣ 5—6 сажень.

Мы начнемъ описаніе бассейна, для простоты, съ наиболѣе глубокихъ пунктовъ, — съ ила глубинъ.

Иль представляетъ чрезвычайное однообразіе въ своемъ строеніи. Это — сплошная, очень тонкая, вязкая, почти полужидкая сверху, масса. Вообще цвѣтъ его темно-синевато-сѣрый, но, на болѣе мелкихъ мѣстахъ, на его поверхности залегаегъ тонкій слой буро-желтаго цвѣта, достигающій иногда такой толщины, что добытый со дна иль оказывается болѣе или менѣе сильно окрашиваемъ буро-желтою примѣсью. Такой буро-желтый иль встрѣчается вблизи устьевъ рѣкъ и въ неглубокихъ заливахъ. Высушенный сиве-сѣрый иль или сохраняетъ свой цвѣтъ,

но безъ снягю отгнка, или становится сѣро-бѣлымъ. Область сине-сѣраго известковистаго ила, повидимому, приближена преимущественно къ западному берегу моря.

Иль — новѣйшее и до сихъ поръ продолжающееся образование, образовавшее своимъ происхождениемъ береговымъ породамъ и наносамъ рѣкъ Аму- и Сыръ-Дарыя.

По вычислениямъ умершаго въ 1878 году Фердинанда Дорвалта, дѣлавшаго опредѣленія какъ количества воды, протекающаго въ Аму-Дарыѣ, мимо укрѣпленія Нукусъ, такъ и количества ила, несимаго водою, видно, что одного аму-дарыянскаго ила ежегодно проносится къ морю мимо Нукуса 44,854,000 куб. метровъ или около $\frac{4}{5}$ миллионъ куб. сажень, хотя большая часть его осаждается, безспорно, въ пдсахъ и разливахъ дельты.

Иль, впрочемъ, представляется однообразною вязкою массою лишь при первомъ впечатлѣнн. Если подожить его на рѣшето и промыть водою, то на рѣшетѣ остается огромное количество раковинъ моллюсковъ, главнымъ образомъ, мелкиихъ, двустворчатыхъ (*Adaspa* и *Dreissena*), вообще больше или менѣе разрушенныхъ, тонкихъ, отчасти растворенныхъ водою.

Растительности на илѣ, — такой растительности, которая была бы доступна псеворужному глазу, — нѣтъ почти никакой, исключая очень рѣдко встрѣчающихся (притомъ обрывками, хотя и свѣжими, а поэтому, весьма вѣроятно, принесенными случайно) экземпляровъ одного вида высшихъ вѣтвистыхъ водорослей, — харъ. Но та растительность, которую можно видѣть и изучать съ помощью микроскопа, весьма значительна.

Богатая особями и бѣдная видами флора простѣйшихъ панцирныхъ водорослей, такъ-называемыхъ діатомовыхъ или двурядѣлочныхъ, характерна для ила глубинъ Арала. Эти водоросли, какъ извѣстно, представляютъ микроскопически-мелкие организмы, состояще изъ извѣстнымъ образомъ организованной основной массы всѣхъ организмовъ, полужидкой, слизистой, прозрачной протоплазмы, а поверхность организма, симметрично дѣлящаяся на двѣ половинны, покрыта тонкимъ панциремъ изъ кремневой кислоты, прозрачнымъ и отличающимся чрезвычайно разнообразнымъ, для разныхъ видовъ, рисункомъ, вообще красивымъ и необыкновенно деликатнымъ и тонкимъ. Однѣ изъ діатомовыхъ представляютъ свободные организмы; другія же образуютъ колонн, причемъ отдѣльныя особи сростаются другъ съ другомъ, или сидятъ на общемъ стебелькѣ, прикрѣпляющемся, въ свою очередь, къ чему-нибудь. Извѣстныя свободныя діатомовыя способны къ движению: водоросль, медленно, но непрерывно подвигается въ одну сторону, по направлению прямой линн, останавливается, стѣсняясь съ препятствнми, и, прoderжавшись вѣкоторое время на мѣстѣ, снова продолжаетъ свое движение. Число всѣхъ извѣстныхъ доселѣ діатомовыхъ Арала, собранныхъ мною и опредѣленныхъ покойнымъ проф. Н. Г. Боршовымъ, составляетъ 72 вида; изъ нихъ 60 видовъ живутъ на влстомъ днѣ моря, т. е. принадлежатъ вообще къ области глубинъ.

Какъ ни мелки діатомовыя, но онѣ залегаютъ въ огромномъ количествѣ, слошнымъ слоемъ, на днѣ моря и представляютъ значительную массу питательнаго матернала для низшихъ животныхъ. Простѣйшихъ животныхъ организмъ встрѣчается здѣсь очень мало: при постоянныхъ микроскопическихъ изслѣдованнхъ ила я встрѣтилъ всего два вида инфузорн, а изъ червей одинъ видъ коловертки (коловертки — простѣйше микроскопическне чери съ особыми колесообразными аппаратами по сторонамъ рта, усажеными по краю волосками, движущимися такимъ образомъ, что около головы животнаго образуется водоворотъ, въ которомъ пища влечется ко рту; да сверхъ того, червь и плаваетъ съ помощью того же аппарата).

Но на илѣ глубинъ видятся въ несмѣтномъ количествѣ днѣ слѣдующня другня формы животныхъ: темнокрасная чернеобразная личинка одного двукрылаго наѣсимаго (*Chironomus*, средня комару) и двустворчатый моллюскъ, изъ рода *Corbula*, — животное, по очертанно раковины, нѣсколько напоминающее рѣчную двустворчатку, но всего до $\frac{1}{3}$ дюйма длиною. Она сидитъ въ илѣ переднимъ концомъ книзу, выставивши нѣсколько заднй конецъ надъ его поверхностью. Такъ какъ раковина у сидящаго спокойно, въ обычныхъ для него условнхъ, мо-

любка пѣсколю раскрыта, то вода, необходимая ему для дыханія и несущая вѣсть съ тѣмъ и пищу, и течетъ, постоянно струею, черезъ образующуюся между створками щель. Хировому съ корбуля просто усыпаютъ дно Арала, на сотни верстъ протяженія.

Въ области глубинъ и пла мы не встрѣчали рыбъ, исключая одного табуна укеекъ (*Alburnus chalcoides* Gild.). Табуна этотъ былъ для насъ явленіемъ очень замѣтнымъ. Мы настолько привыкли видѣть кругомъ себя совершенно прозрачную и свободную отъ всякихъ постороннихъ вещей глубину, что появленіе около борта цѣлой массы красивыхъ, танихъ же изумрудно-зелено-синеватыхъ, какъ сама глубина, спинкою рыбъ вызвало общее возбужденіе и интересъ. На окраинахъ же области пла, на небольшихъ глубинахъ, встрѣчались и ловились сѣтими лещи (*Abramis sora* Pall.) и тарань (*Leuciscus rutilus* L.). Весьма вѣроятно, что сюда заходятъ также, т. е. спускаются случайно изъ болѣе мелкихъ мѣстъ, усачи (*Barbus lacertoides* Kessler?), — очень крупная травоядная рыба, иногда выше аршина величиною, напоминающая въ извѣстной степени, по очертаніямъ тѣла, пискаря (*Gobio fluviatilis* Rond.), — впрочемъ настолько, что если не гнаться за именами, не бросающимися въ глаза сразу различіями, то вообразить себѣ аршиннаго пискаря, — значить вообразить вѣчто, очень напоминающее усача, даже до свинцопо-сѣраго цвѣта.

Но, говоря строго, эти рыбы здѣсь лишь гости, — онѣ принадлежатъ нормально верхнимъ слоямъ воды и прибрежью.

Равнымъ образомъ, нельзя считать за нормальнаго жильца пла глубинъ также одного, рѣдко попадающагося въ позосѣ пла, двустворчатого моллюска — *Dreissena polymorpha* Vel., который живетъ массами въ болѣе мелкихъ частяхъ моря.

Область почти прибрежья, образующихъ рамку для пла глубинъ, примыкаетъ, на наибольшей глубинѣ, къ иду такъ называемымъ «пескомъ съ ракушкою», а на меньшей — нижнюю границу песковъ. «Песокъ съ ракушкою» доходитъ до глубины 10 сажень, образуя вдоль восточнаго берега Большаго моря широкую полосу, около ста верстъ въ длину, прямикающую глубоко-лежащимъ краемъ къ иду, а мелколежащимъ — къ чистымъ пескамъ прибрежья. Онь представляетъ собою песокъ съ примѣсью пустыхъ раковинъ моллюсковъ, иногда столь значительно, что эти раковины и составляютъ главный матеріалъ почвы, къ которому примѣшивается лишь немного песку.

За «пескомъ съ ракушкою» начинаются пески прибрежья, образующіе кольцо кругомъ всего моря и переходящіе въ пески подводнаго кольца прибойной полосы. Вся та часть песчанаго прибрежья, гдѣ прибойная волна ударяетъ прямо въ берегъ, и есть полоса прибрежныхъ песковъ въ области незащищеннаго прибрежья.

На пескѣ живутъ массами нѣсколько видовъ багряныхъ водорослей, — *Polysiphonia*, образуя витчатая хлопья различной величины и разнообразной формы. Кто выдалъ хлопья тины въ нашихъ прѣсныхъ водахъ, прудахъ и озерахъ, тому легко представить себѣ общинъ видъ массъ полисифоній на песчаномъ днѣ. Теперь полисифоній изъ Арала извѣстно 7 видовъ.

Здѣсь, благодаря присутствію водорослей, встрѣчаются немногіе виды мелкихъ рачковъ. Изъ моллюсковъ же типичный жильецъ — *Adacna vitrea* Eichw. Иногда встрѣчается въ случайно попавшихъ на песчаное дно постороннихъ предметахъ, напр., обломкахъ саксаула, дрейссена. *Adacna* похожа до извѣстной степени на упомянутую раньше корбулю, но болѣе крупна, болѣе сжата съ бокомъ, чистаго бѣлаго цвѣта; раковинна сильно просвѣчиваетъ, полупрозрачна даже на моллюскѣ. *Adacna* сидитъ въ пескѣ, подобно корбуля, головою къверху, на небольшомъ (до полу-линии) разстояніи отъ его поверхности, а внутренность ея сообщается съ водою моря помощью особой трубочки, — сифона, — ведущей къ ней необходимую сѣжную воду и выводящей обратно воду, которую моллюскъ уже дышалъ и изъ которой онъ выбралъ частицы пищи. Сифонъ для моллюска, живущаго въ пескѣ, — приспособленіе крайне важное; иначе песокъ постоянно наби-

валясь бы въ раковину, — особенно у формъ, обитающихъ въ подвижной водѣ, гдѣ песокъ приходитъ въ движеніе при волненіяхъ, — какъ въ нашемъ случаѣ аданка. Съ сифономъ же животное избавлено отъ этого: при отсутствіи волненія оно раскрываетъ немного раковину, выставляетъ конецъ сифона надъ поверхностью песка, — и жизнь идетъ своимъ порядкомъ; а пришелъ песокъ въ движеніе отъ волненія, — стоитъ только втянуть сифонъ и закрыть раковину.

Въ той же полосѣ нужно упомянуть еще одного моллюска, такъ какъ его раковина была найдена здѣсь, хотя всего одинъ разъ и въ одномъ мѣстѣ. Это — *Hydrobia spica* Eichw. — маленюкій односторчатый моллюскъ съ раковиною, свернутою восходящею спиралью, въ видѣ стройной заостренной башенки, очень длинной, сравнительно съ шириною основанія, — съ поперечникомъ перваго оборота.

Изъ рыбъ здѣсь встрѣчаются чаще всего лещи (*Abramis sora* Pall.), тарань (*Leuciscus rutilus* L.), изрѣдка окуни (*Percia fluviatilis* L.). Не разъ также видали на днѣ сомовъ (*Silurus glanis* L.), а какъ разказываютъ рыбаки, — здѣсь же держится, вблизи устьевъ рѣкъ, и аральскій осетеръ — шиль (*Acipenser Schira* Lov.).

Вдоль прибоя въ огромномъ количествѣ встрѣчается единственный крупный рачекъ Арала — *Gammarus aralensis* Uljanin, — некрасивое сѣрое животное, до дюйма величиною, въ родѣ общеизвѣстнаго бокопала-блохи (*Gammarus pulex* Fabr.), встрѣчающагося во всѣхъ нашихъ прѣсныхъ водахъ, особенно же въ озерахъ. Гаммарусы держатся на прибоѣ, привлекаемые сюда массою выбрасываемыхъ моремъ органическихъ остатковъ, обрывковъ растений, хлопьевъ водорослей и т. д., гдѣ они находятъ себѣ пищу. Но гаммарусъ принадлежитъ прибрежью, — прибойной полосѣ, — вообще, а не исключительно песчаному прибрежью, хотя здѣсь онъ часто встрѣчается несмѣтными полчищами.

На пески, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ морю примыкаютъ каменныя обрывы, сваливаются массы каменныхъ обломковъ, образуя полосу камней на незащищенномъ прибрежьи, — единственную, въ строгомъ смыслѣ, полосу зелени на прибоѣ. Камни порастаютъ густымъ и толстымъ, пыльнымъ войлокомъ изъ двухъ родовъ водорослей: *Eubothocra*, — представляющей собою длинныя яркозеленыя, волнующіяся водою, чрезвычайно тонкостѣбныя нѣшочки, неправильно смятые, неправильно суживающіяся и расширяющіяся, и мохообразной, вѣтвистой, темнозеленой *Cladophora*, образующей настоящи колеръ на камняхъ.

Камни впадаютъ въ море болѣе или менѣе далеко, достигаютъ, сваливаясь на дно моря, различной глубины, но антероморфа и кладофора растутъ только на самыхъ верхнихъ камняхъ. Это, въ строгомъ смыслѣ, формы поверхности и прибоя. Кладофора образуетъ здѣсь также и тѣ поросли на подводной части корабля, которыя моряки называютъ «бородою» судна. Какъ сказано, поросли кладофоръ сильно напоминаютъ поросли мха; это впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ, что поверхность очень тонкихъ ея вѣточекъ глянцевита, такъ что поросли имѣютъ весьма свѣжій видъ.

Вмѣстѣ съ антероморфами и кладофорами, между которыми массами встрѣчается уже извѣстный намъ аральскій гаммарусъ, мы находимъ специальныхъ обитателей полосы камней, — дрейссену и *Neritina liturata* Eichw. На камняхъ дрейссена встрѣчается во множествѣ. Здѣсь отдѣльныя особи оставляютъ даже памятники своего существованія, — маленюгія пирамидальныя кучки, какъ будто-бы сложенныя изъ крошечныхъ жердочекъ, сходящихся въ одной точкѣ: бисусъ, остающійся отъ умершаго моллюска. Безъ этихъ нитей биссуса, которыми дрейссена накрѣпо прикрѣпляетъ свою раковину къ подводнымъ предметамъ, она была бы смыта съ камней волнами. Другой моллюскъ прибоя, неритина, односторчатый, но тоже приспособленный для жизни въ этихъ условіяхъ. Раковина неритины чрезвычайно характерна: первый снаружи отъ отверстія оборотъ ея очень великъ, а всѣ остальные малы и похѣщаются внутри ея, далеко въ сторонѣ отъ центра, притомъ такимъ образомъ, что и сверху эти обороты почти не выдаются надъ первымъ, образуя лишь небольшой бугорокъ. Для неритины возмож-

ность удерживаться на приборѣ достигается сильнымъ развитіемъ ноги, занимающей всю площадку подъ первымъ оборотомъ раковины, и формой послѣдней, представляющей небольшое сопротивление волнамъ. Перитина и дрейссена не гнѣздятся собственно въ войлокахъ покрывающихъ камни порослей, на самихъ водоросляхъ, а массами сосредоточиваются на свободныхъ отъ порослей мѣстахъ камней или на голыхъ камняхъ, лишь вблизи этихъ порослей.

Водорослевая поросль даетъ также пріютъ, кромѣ гаммарусовъ, личинкамъ въ некоторыхъ насѣкомыхъ, надувающихъ яйца въ воду.

Обиліе водорослей и гнѣздящихся между ними рачковъ и личинокъ насѣкомыхъ привлекаетъ сюда рыбъ, и прежде всего мы находимъ около камней знаковыхъ уже намъ усачей, приходящихъ сюда, какъ изъ пастбище. Громадныя рыбы выгнѣзаютъ буквально изъ самой поверхности воды, къ прибрежной полоскѣ водорослей, и роются въ нихъ. Наши матросы стрѣляли на островѣ Николай I усачей пулями, и охота была обыкновенно удачная. Вместе съ усачемъ, сюда же является и карпъ (*Surginus caprio L.*), типичный травоядникъ, а также ящери (*Abramis*) и (*Leuciscus rutilus L.*).

Обиліе рыбы влечетъ, дагѣ, къ камнямъ рыболововъ. На камнѣ Токмакъ-Кызы мы уже видѣли, кака я масса и чихъ ногтей и клювовъ ждетъ обитателей водорослевыхъ порослей, и за кѣмъ, въ свою очередь, охотятся сомы (*Silurus glanis L.*), достигающіе въ Аралѣ почтенной величины (6 — 7 футовъ). Кромѣ нихъ тутъ рыбу ждетъ еще обычный жаскъ камней, ужъ (*Tropidonotus hydrus Pall.*), чувствующій себя въ водѣ и подъ водою совершенно дома, превосходно и быстро плавающий подъ поверхностью воды. Этотъ ужъ зеленовато-сѣрый, съ сѣрыми брюхою, оранжевыми подплавнами и черными пятнышками по бокамъ брюха. Ужъ особенно много вдоль каменистаго восточнаго берега острова Николай I, а также на Икенде-Аралѣ. Они съ удовольствіемъ лежатъ на камняхъ, на солнышкѣ, у воды, гдѣ находятъ добычу и куда бросаются при тревогѣ.

Камни, находящіеся на значительной, сравнительно, глубинѣ подъ водою, представляютъ шель образование, чѣмъ прибрежные камни. Послѣдніе образуются до настоящаго времени; матеріалъ ихъ розсыпей — третичные известняки, составляющіе берега Арала на западъ и отчасти на сѣверѣ. Величина камней въ розсыпи, вообще, не велика. Камни же, видимые на большихъ глубинахъ, напр., около мыса Курзунды, между заливами Кумъ-Суаты и Чернышева, въ сѣверо-западной части моря, представляютъ собою огромныя глыбы и принадлежатъ къ образованиямъ болѣе древнимъ. Подробнаго осмотра ихъ намъ не удалось сдѣлать. По всей видимости, это розсыпи, образовавшіяся на краю вымытыхъ моремъ и обваженныхъ пластовъ известняковъ, лежащихъ подъ третичными образованиями.

Участки воды защищеннаго побережья (бухты и заливы) обрастаютъ густымъ тростникомъ, который по отлоному дну вдается далеко въ воду (но не на дужахъ, которыя относятся также къ области защищеннаго побережья — обыкновенно не обрастающихъ тростникомъ), а при крутомъ днѣ образуетъ шпалеру на некоторомъ разстояніи отъ урѣза. Мы находимъ здѣсь уже высшія растенія, а именно: *Zostera (nana?)* и *Myriophyllum*, иногда перепутываемыя хлопьями красныхъ водорослей, — полисифоний. Къ этой зостерѣ наиболее примѣнно названіе «морской травы». Она растетъ въ Аральскомъ морѣ въ обиліи, судя по массѣ ея узкихъ, длинныхъ листьевъ, по поверхности моря при волненіяхъ и выбрасываемыхъ на берегъ, но, очевидно, мѣстами. Мы лично нашли ее массами въ прибрежныхъ дужахъ на восточномъ берегу острова Николай I. Поросль же *Myriophyllum* состоитъ изъ переплетающихся другъ съ другомъ, очень длинныхъ, тонкихъ, округлыхъ, нитевидныхъ стволочъ, на которыхъ сидятъ своеобразные перистые листья: — нужно представить себѣ какой-нибудь небольшой круглый листъ, въ которомъ всей пластинки листа нѣтъ, а остаются только одѣ очень многочисленныя жилки, — это дастъ примѣрное понятіе объ этихъ перистыхъ листьяхъ. *Myriophyllum* образуетъ положительно чаши, напр., въ проливѣ Аузы-Куль-Аралъ, гдѣ между его

стволами устроились и разрослись полисифонии, образовавши, такимъ образомъ, мѣстами сплошной, весьма рыхлый войлокъ отъ поверхности до дна, сквозь который пробираются къ поверхности листья *Mugiorhylum*, съ глубины 2 — 3 футовъ. Въ болѣе глубокихъ бухтахъ и на болѣе глубокихъ мѣстахъ того же самого бассейна, zostера и *Mugiorhylum* не растутъ.

Поросли zostеры на песокъ (въ лужахъ) и выросли полисифонией, опутывающихъ *Mugiorhylum* — мѣста жизни кардіума. Кардіумъ имѣетъ толстую двустороннюю раковину, покрытую снаружи сильно выпуклыми ребрами; створки очень выпуклы, такъ что закрытая раковина напоминаетъ орѣхъ. Мы показали, говоря объ аданѣ, значеніе сифона для моллюсковъ, живущихъ въ песокѣ. Сифонъ есть и у кардіума, — тоже зарывающагося въ извѣстныхъ случаяхъ въ песокъ, — но болѣе короткий: — онъ живеть въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ волненій, покрытую самой поверхности пескомъ, между тѣмъ какъ аданка помѣщается на нескахъ, подвергающихся прямому дѣйствию волнъ, приходящихъ съ моря, и должна глубже видѣряться въ песокъ, — иначе она была бы вырвана съ мѣста, — и ея сифонъ долженъ проникать сквозь болѣе толстыя пластъ лежащаго сверху песку.

Сифоны, въ видѣ странныхъ черноватыхъ звѣздъ съ свѣтлыми углубленіемъ въ срединѣ (входъ въ подость сифона), это — первое, что замѣчается отъ кардіума на песчаномъ днѣ лужи. Если коснуться такой звѣзды чѣмъ-нибудь, она исчезаетъ: животное втягиваетъ сифонъ внутрь. Иногда эти звѣзды расцѣпны на днѣ лужи во множествѣ, и кардіумы сидятъ въ песокѣ въ несмѣтномъ количествѣ, — бокъ-къ-боку.

Въ другихъ случаяхъ кардіумъ встрѣчается въ условіяхъ, совершенно не похожихъ на только-что описанныя: — въ упомянутыхъ хлопьяхъ полисифоній, опутывающихъ *Mugiorhylum*. Тутъ моллюски, завернувшись въ хлопья, висятъ въ водѣ. Но между полисифоніями кардіумъ не такъ многочисленъ, какъ на песчаномъ днѣ лужи.

Кромѣ кардіума въ тѣхъ же поросляхъ водится еще другой моллюскъ — *Hydrobia stagnalis* L., очень малая односторончатая, завитая въ спираль, ракушка, по общему очертанію близко напоминающая извѣстную, закрученную крышечкою, болотину (*Paludina viodraga* L.), только въ миниатурѣ. Весь моллюскъ до 1 лини въ длину. Гидробии, просто, обѣдляютъ стебли и листья *Mugiorhylum*, ползаютъ по хлопьямъ полисифоній, — словомъ, попадаютъ огромными массами.

Конечно, безъ гаммаруса, если бассейнъ соединяется съ моремъ, и личинокъ наѣдомыхъ не обходится и здѣсь, но, во всякомъ случаѣ, для нашего рака тутъ не мѣсто, и мы не видѣли его въ этихъ условіяхъ въ такомъ обиліи, какъ на приборѣ.

Бухты Арала — въ то же время и пункты сосредоточенія рыбъ, изъ которыхъ, напр., карпы чувствуютъ себя здѣсь какъ нельзя лучше, находя теллуну, покойную воду, мягкое грязное дно и обиліе растительности и пищи.

За карпомъ слѣдуютъ жерехи *A(spius erythrostomus* Kessler), — очень красивая, стройная рыба съ серебристою чешуею и иногда съ кинноварно-красною губою, — тараль (*Leuciscus rutilus* L.), леци (*Abramis brama* L. и *Abramis sora* Pall.), изрѣдка попадетъ окунь (*Percas fluviatilis* L.), чаще чехонь (*Pelecus cultratus* L.), аральская сельдь, длиной до 10 — 12 дюймовъ. Табунокъ живыхъ чехоней въ певодѣ — положительно одна изъ красивѣйшихъ картинъ. Въ чашахъ *Mugiorhylum* встрѣчается еще довольно нестройно сложная небольшая колонина (*Gasterosteus platygaster* Kessler). Эти рыбы попадаютъ въ бухтахъ часто; хотя мы видѣли, что почти всѣ онѣ, кромѣ колонинки, встрѣчаются и въ открытомъ морѣ, но въ бухтахъ онѣ гораздо многочисленнѣе. Усачей мы въ бухтахъ никогда не находили; въ морѣ же намъ не попадалась чехонь, — хотя послѣднее, конечно, простанъ случайности.

Въ заливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, куда двигаются изъ рѣки и рѣчныя формы водныхъ растений, встрѣчается красноперка (*Scardinius erythrophthalmus* L.), судакъ (*Lucioperca sandra* Cuv.), щука (*Esox lucius* L.), одинъ маленький видъ усача (короткоголовый *Barbus brachycephalus*

Kessler), аму-дарьинский головень (*Squalius oxianus* Kessler), уклейка (*Alburnus Chalcoides* Güld), окунь и осетр-нильц.

Рядъ рыбъ замыкается вездѣ главнымъ хищникомъ — сомомъ, котораго мы видали и въ бухтахъ, и въ открытомъ морѣ, а также ловили непомомъ и удочкою въ устьяхъ Аму и Сыра.

Крайне интересныя, недавно открытыя, осетровыя рыбы, — скафирринки (*Scaphyrhynchus Feitschenkoii* Kessler въ Сыръ-Дарьѣ, *Scaphyrhynchus Kaufmanni*, Bogdanow, *Scaphyrhynchus Hegmani* Sczewlow въ Аму-Дарьѣ), которыхъ слѣдуетъ считать за родоначальниковъ всѣхъ осетроу, не встрѣчаются въ морѣ и не переходятъ черезъ него, какъ это видно изъ того, что аму-дарьинскій видъ не попадаетъ въ Сыръ-Дарьѣ, а сыръ-дарьинскій — въ Аму. Рыбы эти, кромѣ ихъ значенія для усненія генеалогіи осетроу и странной формы, любопытны въ томъ отношеніи, что эти три вида — единственные извѣстные на всемъ материкѣ Стараго Свѣта. Кромѣ нихъ еще извѣстны лишь одинъ видъ — *Sc. Rafineskii* Heck, живущій въ Сѣверной Америкѣ.

Познакомившись съ физиономіей моря, его флоры и фауны, мы обратимся теперь къ его исторіи.

Изъ формъ, которыя живутъ на берегахъ моря, на сунѣ, нѣкоторыя принадлежатъ Африкѣ, другія — Индіи, или точнѣе, южной и восточной Азіи, третьи — пришельцы съ сѣвера, хотя послѣднихъ очень мало. Почты береговъ и окружающей степи — морскія образованія, отложившія сравнительно въ недавнія времена. Эти факты принели ученыхъ къ заключенію, что на мѣстѣ нынѣшнихъ Аразо-Каспійскихъ степей, въ то время, когда значительная часть формъ, населяющихъ страну нынѣ, уже существовала, — еще было море, которое принято называть Аразо-Каспійскимъ или Аразо-Каспиемъ, а представители взаимной фауны жили на берегахъ его. Съ убылью моря, животныя и растенія съ юга, востока и запада, а также съ сѣвера, вступили, распространяясь, изъ прибрежныхъ областей на обнажавшееся, высохшее и лидомѣнявшееся, подъ влияніемъ атмосферныхъ дѣятелей, дно Аразо-Каспия. Въ силу этого обстоятельства, мы и встрѣчаемъ теперь здѣсь оригинальную фауну, представляющую (за исключеніемъ нѣсколькихъ, сравнительно, немногихъ формъ, сложившихся уже здѣсь среди обстановки молодой суши) сочетание формъ различныхъ, чуждыхъ другъ другу, областей, какъ Африка, Индія и сѣвернаго Евropy и Азіи. Стоитъ вспомнить изъ перечисленныхъ нами формъ животныхъ тигра, свойственнаго Индіи, п со року, птицу характерную для сѣвера, зрякса, свойственнаго Африкѣ, и фриноцефаловъ — форму южно-азійскую, антилопу и волка и т. д. Одно это сопоставленіе даетъ возможность понять, какъ своеобразна смѣсь формъ, входящихъ въ составъ этой фауны.

Съ другой стороны, въ водѣ живутъ морскія моллюски, какъ кардіумъ, корбузи, аданна, перитина, дрейсена и гидробія, и въ то-же время — ни одного чисто-прѣсноводнаго моллюска. Между тѣмъ рыбы всѣ сплошь — рѣчныя, заходящія въ море, или такія, жизнь которыхъ существеннымъ образомъ связана съ рѣками. При этомъ моллюски, кромѣ корбузи, всѣ живутъ въ Каспійскомъ морѣ, а рыбы, за исключеніемъ свойственныхъ рѣкамъ Азіи, живутъ въ рѣкахъ Каспійскаго бассейна и сѣвера Азіи и Евropy. Далѣе, вся водная фауна бѣдна формами, и можетъ считаться сильно обдѣлашею фауною Каспійскаго моря. Обдѣланіе же фауны есть результатъ вымиранія и исчезновенія тѣхъ или другихъ формъ, жившихъ раньше, когда были нныя условия. Суша и море дають, стало быть, весьма согласную картину: молодая суша, освобождаясь изъ-подъ поверхности моря, заселяется новою, нигдѣ раньше не сгруппированшею такимъ образомъ, — молодою, — фауною, оригинальною именно въ силу своей молодости, — и старое, умирающее море съ остатками былой, болѣе богатой фауны, — остатками снова оригинальными въ силу своей старости, ибо въ немъ выжили и живутъ лишь самыя живучія, способныя переносить значительныя измѣненія условій, представители фауны моря и солоноватой воды; въ то-же время, въ этомъ остаткѣ былаго моря уже явились и завладѣли имъ новыя, молодые сравнительно жильцы, — прѣсноводныя рыбы.

Основныя причины этого явленія искать въ поднятій суши на югъ и востокъ

отъ Арала, — въ области горъ и страны, прилежащей къ нимъ. Подъ влияемъ его Арало-Каспій отступилъ на западъ, дно обнажилось, и воды остались лишь въ двухъ углубленіяхъ на бывшемъ днѣ его, — въ котловинахъ Арала и Каспія. Потерявши связь съ большимъ бассейномъ и существуя на счетъ воды своихъ притоковъ, Араль долженъ былъ сильно усохнуть. При этомъ въ немъ исчезла или сильно сдузилась, — область холодныхъ глубинъ, столь необходимая для многихъ морскихъ формъ, и эти холодноводныя формы должны были тоже исчезнуть, вмѣстѣ съ глубинами, какъ тюлень, больше осетры и др. Изъ осетровъ выжилъ лишь нипль. Затѣмъ, въ условіяхъ жизни каждаго обширнаго замкнутого соленоводнаго бассейна лежитъ то, что онъ долженъ прѣвратиться: соль извлекается изъ него, какъ уже было указано, имъ же самыми образующимися соляными озерами и отлагается въ нихъ. Кромя того, Аму вливается въ послѣдующій

Рис. Кирпичниковъ.

времени въ Араль и дѣлаетъ его воду еще прѣсче: — рѣчные рыбы, хотя и немногія, поднимаются въ море и находятъ въ немъ подходящія условія для постоянной жизни.

Признаки поднятія страны на югъ и востокъ отъ Арала указаны нѣсколькими натуралистами. Аральское море и само по себѣ даетъ указанія на существованіе этого поднятія. Выше мы не разъ обращали вниманіе на различіе очертанія береговъ, ихъ высоты, состава, распредѣленія почвъ и полость моря въ сѣверо-западной и юго-восточной его частяхъ. Сѣверо-западный берегъ Арала возвышенъ, обрывистъ, сильно разрушенъ и разрушается моремъ, — смывается имъ, а юго-восточный — низменъ, отлогъ, и здѣсь идетъ новообразование суши, отложение мелей, образование песчаныхъ острововъ. Острова вдоль сѣверо-западнаго берега Арала — континентальныя, отдѣленные отъ берега прилегающимъ въ материкъ моремъ; острова же противоположнаго берега — недѣльного происхожденія: почвы ихъ наматаны моремъ и не имѣютъ ничего общаго съ почвами коренной суши. Дно Арала круто спускается подъ поверхность воды отъ сѣверо-западнаго берега, и очень полого отъ юго-восточнаго; нѣтъ придинуть къ сѣверо-западному берегу и т. д. Совокупность всѣхъ подобныхъ фактовъ заставляетъ признать, что Араль передвинулся съ ю.-в. на с.-з. Подобная же явленіе, но еще въ болѣе ясной формѣ,

представляется на озере Балханг, лежащем ближе къ горамъ, а окружающая мѣстность представляетъ нѣсколько болѣе мелкихъ фактовъ (какъ, напримеръ, отклоненіе р. Чу, бывшей притокомъ Сыръ-Дарьи, къ северу, при чемъ она образовала при своемъ устьѣ озеро Соумаль-Куль, въ которое и падаетъ нѣкъ), указывающихъ на существованіе поднятія, въ направленіи съ ю.-з. на с.-в.

На Аралѣ хотя существуютъ рыболовство и существовало до послѣднихъ дней судоходство, но въ очень небольшихъ размѣрахъ. Упомянутые шалаши и избушки Русскихъ въ устьяхъ Аму-Дарьи и Сыра, — вотъ и всѣ рыбацкія поселенія. Ловятъ главнымъ образомъ шипа, на крючковую снасть, — систему крючьевъ, привѣшенныхъ къ основной веревкѣ, за которые рыба и зацѣпляется на ходу, какъ и чѣмъ попадетъ. На крючья попадаетъ также и усачь. По отношенію къ рыбѣ, Киргизы обнаруживаютъ довольно своеобразный вкусъ: они ѣдятъ сома и притомъ такъ любятъ сомовину, что съ большимъ удовольствіемъ променяваютъ на сома крупнаго осетра.

По недостатку хорошей соли и по неумѣнію, здѣсь балыковъ не дѣлаютъ. Вязга собирается въ довольно большомъ количествѣ и стоитъ очень дешево.

Что касается судоходства, то, въ послѣдніе годы существованія аральской флотилии, по Арау проходили, изъ устьевъ Сыра въ устья Аму и обратно, два военныхъ парохода, «Самаркандъ» и «Перовскій», перевозившіе войска и провіантъ изъ Туркестана въ Аму-Дарьинскую область и отвозившіе обратно въ Туркестанъ отбывшія службу войсковыя части. Въ аральской флотилии судовъ было, правда, больше; были рѣчные пароходы «Ташкентъ», «Сыръ-Дарья», «Аралъ», паровой барказъ «Обручевъ», двѣ морскихъ и нѣсколько рѣчныхъ баржъ и нѣсколько барказовъ. Но кромѣ «Самарканда» и «Перовскаго», другіе пароходы не могли плавать въ морѣ. «Ташкентъ» мелко сидѣлъ и имѣлъ слишкомъ высокую надводную часть, такъ что въ морѣ его легко могло опрокинуть; «Сыръ-Дарья» и «Аралъ» были не только чисто-рѣчные пароходы, но притомъ пароходы узкой и мелкой рѣки: они имѣли одно гребное колесо — сзади, такъ что одинъ изъ нихъ, вынужденный обстоятельствами, рѣшился даже прорыть себѣ, поворотясь кормой къ мези, ходъ черезъ нее своимъ же собственнымъ колесомъ и выполнилъ это съ большимъ успѣхомъ. Они были очень узки и были построены въ видахъ судоходства по узкому рукаву Сыра, — Джаманъ-Дарьѣ.

«Самаркандъ» и «Перовскій» были главныя работяжки флотилии. «Самаркандъ», хотя рѣчной пароходъ и при томъ весьма слабой конструкціи, началъ послѣ хивинскаго похода работу по перевозкѣ людей и провіанта въ новоприобрѣтенную область и обратно. Потому «Самаркандъ» былъ значительно передѣланъ, хорошо скрѣпленъ и приспособленъ къ плаванію по морю, что раньше было для него сопряжено съ рискомъ. Насколько этотъ рискъ былъ значителенъ, лучше всего покажетъ читателю случай, бывшій на пароходѣ въ то самое гѣто, когда и наша «Баржа № 2», съ сопровождающимъ ее барказомъ, находилась также въ Аральскомъ морѣ.

«Самаркандъ», подъ командою Н. И. Кизакова, шелъ изъ Аму-Дарьи въ Сыръ-Дарью. Северный вѣтеръ развелъ сильное волненіе, и пароходу пришлось ломиться на встрѣчу валамъ и вѣтру. Въ подобныя условія положеніе «Самарканда» выходило всегда незавиднымъ: жидни, безъ солидныхъ морскихъ скрѣпленій, корпусъ гнулся при перевалахъ черезъ волны до того, что щели въ рубкахъ, между досками, «нигади», т. е. одиѣ служивали при подъемѣ на волну и расширялись при спускѣ, а другія — наоборотъ. Тонкимъ бортамъ, сшитымъ изъ кровельнаго желѣза, доставалось настолько, что, по возвращеніи въ портъ, постоянно нужно было вѣстывать нѣсколько новыхъ заклепокъ въ швахъ корпуса, вмѣсто выпавшихъ во время перехода черезъ море. Но «Самаркандъ» все-таки ходилъ, — было необходимо, такъ какъ одного «Перовскаго» было мало, а другихъ пароходовъ не было. Точно также было сначала и на этотъ разъ. Не смотря на волненіе и разныя мелочи, смыслъ которыхъ повнѣтъ лишь

опытному моряку, «Самаркандъ» идетъ. Н. И. Казаковъ ходитъ по мостику, поспатривая на компасъ и отдавая по временамъ приказанія.

Вдругъ является растерянный матросъ съ докладомъ, что «въ боковой каютѣ листъ оторвало!» (Боковая каюта — носопал, въ которой на военныхъ судахъ помѣщается команда.)

Казаковъ, тонко знавшій свойства своего «Самаркандъ», конечно, сразу оцѣнилъ всю соль этого извѣстія. Въ боковой каютѣ листъ оторвало, — значило — ни болѣе, ни менѣе, что ударами волнъ разорвало связь между двумя листами желѣза въ боргѣ, и что черезъ эту щель въ каюту льется вода. Но онъ имѣлъ на суднѣ, кромѣ команды, пассажировъ, — солдатъ и офицеровъ изъ Аму-Дарьинской области, — и поэтому долженъ былъ сохранить все присутствіе духа съ перваго же момента. Въ силу этого, П. И. Казаковъ, въ отвѣтъ на докладъ, далъ хорошую головнойку матросу, который, очевидно (!), былъ пьянъ (!), если ему показался (!) такой явный вздоръ, прогнать его обратно и не слѣша отправился на бакъ, усюсювая по дорогѣ переполошившихся пассажировъ.

Войдя въ каюту, онъ нашелъ, что листъ, дѣйствительно, оторванъ и матросы всѣми силами стараются оставить воду. Н. И. Казаковъ осматривалъ зияющую щель, сквозь которую изумрудный цвѣтъ аральской воды былъ виденъ во всемъ великолѣпнѣ, сдѣлалъ необходимыя распоряженія, чтобы, хотя на время, не дать щели расширится и прекратить, насколько возможно, доступъ водѣ внутрь судна, ободрилъ матросовъ и вернулся на палубу съ совершенно спокойнымъ видомъ.

— Двѣ закладки выпали, пустяки, — отвѣтилъ онъ ожидавшимъ его пассажирамъ.

Получивши полномочіе отъ попомника начальника флотилии, бывшаго во время этого рейса также на «Самаркандѣ», поступать, какъ онъ найдетъ лучше, Н. И. Казаковъ направилъ пароходъ къ Кугъ-Арау и, закрывшись островомъ отъ вѣтра, сталъ на тихой водѣ на якорь.

Починившись на свободѣ, насколько позволяли обстоятельства, онъ перешелъ, при стихнувшей погодѣ, въ Сыръ-Дарью, гдѣ, по крайней мѣрѣ, пассажирамъ не грозило уже никакой опасности. Пароходъ оказался, однако, въ состояніи продолжать плаваніе и во Сыръ-Дарьѣ, благополучно дошелъ до Казалинска и былъ здѣсь починенъ, какъ слѣдуетъ.

Людьми, знакомымъ съ безпримѣрно находчивостью, рѣшительностью и хладнокровнымъ мужествомъ Н. И. Казакова, вполне понятно, что безъ него этотъ случай могъ кончиться не такъ благополучно.

Все это не мѣшало, однако, «Самарканду» быть лучшимъ (съ сильною машиною и хорошимъ ходомъ) и изящѣйшимъ пароходомъ флотилии, тѣмъ болѣе, что, благодаря заботамъ Н. И. Казакова, крайне строгаго въ соблюденіи дисциплины и порядка на суднѣ, онъ содержалъ неизмѣнно въ величайшемъ порядкѣ и чистотѣ.

«Перовскій» — судно историческое, — дѣдушка паровой Аральской флотилии. Съ нимъ покойный А. П. Бутаковъ нагналъ, дойдя въ первый разъ по Аму до Кунграда, страхъ на хивинскаго хана, осаждавшаго этотъ городъ, до того, что осада была снята. Съ нимъ А. П. Бутаковъ ходилъ по Аралу. Вместе съ «Самаркандомъ» и флотиліей баржъ, приведенныхъ обоими пароходами, онъ обстрѣлывалъ укрѣпленіе Акъ-Калу, при форсированнѣ входа въ устье Аму, и приямилъ участіе въ ея взятіи. На его долю выпало первому пройти по истинному фарватеру Аму въ 1874 году и, сдѣлавши первый рейсъ до Петро-Александровска, открыть русское судоходство по этой рѣкѣ. «Перовскій» былъ пароходъ весьма крѣпкаго суженія, («ударить въ берегъ носомъ, — полберега оторветъ», какъ комически охарактеризовалъ его одинокій изъ моряковъ Аральской флотилии), но съ несильною машиною, почему онъ оказался тихоходомъ на быстрѣнахъ Аму, а во время общихъ съ «Самаркандомъ» рейсовъ, выходя одновременно съ нимъ въ море, всегда приходилъ значительно позже. При волненіяхъ онъ держался въ морѣ очень удовлетворительно.

Но теперь все это относится уже къ истории аральскаго судоходства. «Самарканда» не стало, — затонулъ въ Сыръ-Дарьѣ около форта № 2; — «Перовскій» пришелъ въ полную негодность отъ старости и выбылъ изъ строя съ лопнувшимъ цилиндромъ, — а безъ нихъ и флотилія перестала быть флотиліею, — и когда зашла рѣчь объ ихъ замѣнѣ, то было найдено болѣе выгоднымъ совершенно упразднить ее.

Предшествующая же исторія судоходства по Аралу вообще очень не сложна. Послѣ плавашей А. И. Бутакова въ 1848 и 1849 годахъ, для съемки и описи моря, и послѣ прекращенія дѣятельности судовъ частной рыболовной компаніи, основанной вскорѣ послѣ начала нашего господства на Аралѣ и нашедшей свое предвѣріе немыгоднымъ, — въ морѣ почти не плавали; изрѣдка суда ходили на островъ Николай I за известкою для порта. Послѣ долгаго затишья, хивинскій походъ далъ толчекъ къ началу болѣе частыхъ рейсовъ черезъ море. Наше плаваніе въ 1874 году было первымъ серьезнымъ и долговременнымъ плаваніемъ послѣ времени А. И. Бутакова. Часть результатовъ именно этого плаванія мы и предложили вниманію читателя.

В. Д. Авионинъ.

Аральскій морь. «Баракъ № 2» въ виду острова Баръ-Калыкъ.